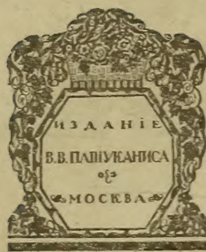

МОСКВА

ИЗДАНІЕ
В.В. ПАШУКАНИСА
МОСКВА

ВИКТОРЪ ГОФМАНЪ.

Томъ II.

Изданіе второе.

ВИКТОРЪ ГОФМАНЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИЗДАНІЕ
В. В. ПАШУКАНИСА.

ВИКТОРЪ ГОФМАНЪ.

КНИГА ВСТУПЛЕНІЙ. ИСКУСЪ.

СТИХИ.

МОСКВА

1918.

КНИГА ВСТУПЛЕНІЙ.

ЛИРИКА 1902—1904.

I.

ПРИРОДА.

I.

МАРИНЫ.

1. МОРЕ.

И вѣтеръ, вѣющій стремительно и буйно,
И развѣвающій, и рвущій волоса.
И моря вольный блескъ, ходящій многоструйно—
О, безпредѣльная, о, мощная краса!

То все въ ней яркій блескъ, зыбящійся и пирный—
Обломки свѣтлыхъ льдинъ и горнихъ хрусталей.
То бархатъ шелестный, спокойный и сапфирный,
То рябь червонная пылающихъ углей.

То словно старцевъ рой съ лучистой сѣдиною,
Услышавшихъ въ дали прибоевъ голоса,
Плыветъ встревоженно подъ зыбкою волною,
И вѣтеръ дерзко рветъ сѣдые волоса.

То надъ сапфирностью безбрежной и бездонной—
Вдругъ словно ревъ и спины прыгающихъ львовъ.
О, какъ красива мощь ихъ схватки разъяренной
И бѣлопѣнность гривъ и всклоченныхъ головъ!

И вѣтеръ буйно радъ пирѣ своихъ порывовъ.
И сердце пьяно, пьяно дикою мечтой.
И море все горитъ сверканьемъ переливовъ
И величавою, и вольной красотой!

Алупка 1904. Сентябрь.

2. ВОЛНЫ И СКАЛЫ.

Сегодня все море какъ будто изрыто
Гремящими встрѣчами пѣнъ.
Сегодня все море грозитъ и сердито
На свой истомляющій плѣнъ.

Пушистые клоки, косматыя пряди,
Хребты извиваемыхъ спинъ...
Какъ страшно сегодня прозрачной наядѣ
Въ прозрачности темныхъ глубинъ...

Давно ужъ носился смущающій шопотъ
О дерзостныхъ замыслахъ скалъ,—
И двинулось море, и пѣнистый ропотъ
Зеленую гладь всколыхалъ.

Заслышались гулы тревожныхъ прибытій,
Зловѣще-поднявшихся спинъ.
И ропотъ, и шопотъ: бѣгите, бѣгите,
До самыхъ надменныхъ вершинъ.

На темныя скалы! на приступъ, на приступъ!
На шумный, на пѣнистый бой!...
Ужъ влагой захваченъ утесистый выступъ,
И съ ревомъ взбѣгаетъ прибой.

Все новыя пѣны вслѣдъ отплескамъ бѣлымъ
Разбитой камнями гряды.—
И страшно наядамъ съ ихъ розовымъ тѣломъ
Предъ черною мощью воды.

Алупка. 1914. Сентябрь.

3. Я у моря ночного.

Я у моря ночного, на обрывѣ гранитномъ,
Я смотрю, какъ взбѣгаетъ волна,
Какъ ударившись валомъ тяжелымъ и слитнымъ,
Разсыпается снѣжно она.

Возникая незримо, шелестящимъ напоромъ
Она мѣрно бросаетъ себя,
И свиваются гребни съ ихъ пѣннымъ уборомъ,
Сѣроспнюю влажность дробя...

Надо мною растянуты мокрыя сѣти
На темнѣющей грудѣ камней.
И какіе то люди, какъ слабыя дѣти,
Неувѣренно ходятъ по ней.

О, какъ жалки усилья трудящихся гномовъ
—Можетъ быть, лишь тѣней отъ луны—
Передъ грозною мощью гранитныхъ изломовъ.
Передъ ревомъ упорной волны!..

На протянутой сѣти колышатся пробки,
Зацѣпясь за изгибы камней,—
И движенія гномовъ безсильны и робки
Вмѣстѣ съ чадомъ ихъ желтыхъ огней...

Можетъ быть, это только дрожащія пятна,
Только черныя тѣни луны,
Надъ грохочущимъ ревомъ волны перекатной
Чьи то душно-кошмарные сны?

Алупка. 1904. Сентябрь.

———

4. Въ лодкѣ.

Franz Evers.

Ярко-пѣнистыхъ волнъ переливы
Затихаютъ, пурпурно горя.
Берега задремали лѣниво —
Запылала пожаромъ заря.

Въ небесахъ на мерцающемъ фонѣ —
Облаковъ позолоченныхъ рой.
Это — бѣлые, быстрые кони
Съ золотисто-пурпурной уздой!

Дальше, шире кровавое море.
Обагренные волны горятъ. —
Мы плывемъ въ безпредѣльномъ просторѣ
Прямо, въ закатъ!

1902.

II.

ДА, ЭТО ЮГЪ.

Ты слышишь шелестъ волнъ, смѣняющійся гуломъ,
И ихъ хрустящій бѣгъ на камни и песокъ?
Ты видишь, тамъ, въ чадрахъ идутъ съ упрямымъ
муломъ,
И яркость этихъ глазъ, и смуглость этихъ щекъ?
О, дѣва нѣжная, какъ персикъ бархатистый,
О, дѣва стройная, какъ тонкій кипарисъ,
Да, это югъ, пьянящій и лучистый. —
О, покорись!

Ты видишь этотъ блескъ зыбящійся и синій?
Да, это моря блескъ, входящій въ небеса.
И вѣтви мягкихъ туй и ласковыхъ глициній,
И миртовъ шелестныхъ округлые лѣса?
О, дѣва нѣжная, какъ горніе разсвѣты,
О, дѣва стройная, какъ тонкій кипарисъ,
О, полюби любви моей привѣты,
О, покорись!

Ты видишь призракъ горъ какъ бы въ налетѣ пѣны,
И солнце жгущее пьяняще-горячо?
Всѣ эти бѣлыя, сверкающія стѣны,
Ихъ мраморъ матовый, какъ женское плечо?
О, дѣва нѣжная, какъ чашечки магнолій,
О, дѣва стройная, какъ тонкій кипарисъ,
О, не борись, не бойся нѣжной боли,
О, покорись!

Алупка. 1904. Сентябрь.

III.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ.

Nun glühn wie Gold der Wolken Säume.
Georg Bachmann.

У тучъ, что утромъ были сѣры—
Рѣзьба пурпуровыхъ коронъ.
Я полонъ кликовъ гордой вѣры.
Мечтой безъ мѣры опьяненъ.

Теперь напоръ и состязанье,
Пьянящей нѣжности слова.—
И безпредѣльность ликованья,
И нестерпимость торжества!

Вечерній воздухъ душно-сладокъ.
Ночь задвигаетъ мглу завѣсъ.
Крадутся звѣзды изъ-подъ складокъ
Тяжело бархатныхъ небесъ.

IV.

ВЕСЕННІЕ ПУТИ.

1. ДЕНЬ.

Иду межъ липій испещренныхъ
Тѣнями солнечныхъ лучей.
Гляжу на мракъ деревъ склоненныхъ
И убѣгающій ручей.

Вотъ, кленъ вѣтвистый занавѣсилъ
Ручья лѣнивую волну,—
Сегодня я лучисто-веселъ,
Опять воспринявшій весну!

Притихли скромные цвѣточки,
И даль туманная тиха...
Я рву зеленые листочки,
Я полнъ движеній и грѣха.

Мой голосъ и шаги несносны
Природѣ, погруженной въ лѣнь...
А мнѣ милы и лѣсъ, и сосны,
И этотъ міръ, и этотъ день!

---

2. ВЕЧЕРЪ.

Вечерній лѣсъ и въ немъ дорожка.
Осинъ испуганная дрожь.
Я жду... и грустно мнѣ немножко:
Придешь ли ты иль не придешь?

Все какъ то вдумчиво-спокойно.
Лишь свистъ нестройный вдалекѣ.
Кудрявый листъ и сумракъ хвойный,
И спускъ къ серебряной рѣкѣ.

Орѣшникъ лапчатый и круглый
Сдавилъ мой путь со всѣхъ сторонъ.
Къ тебѣ, сіяющей и смуглой,
Я какъ то странно привлеченъ.

Темнѣетъ. Грустно мнѣ немножко.
О, неужель ты не придешь?
Вечерній лѣсъ и въ немъ дорожка.
Осинъ испуганная дрожь.

3. ВДОЛЬ ДЛИННЫХЪ ЗДАНІЙ.

Сегодня небо безпредѣльно,
И вся лучиста синева!
На сердцѣ радостно и хмѣльно,
Шумитъ весенняя молва...

Вдоль длинныхъ зданій, мимо храма
Протянутъ мой случайный путь.—
Пойти ли влѣво или прямо,
Или направо повернуть?..

Люблю безцѣльныя прогулки
Съ тревогой перелетныхъ думъ.—
Люблю глухіе переулки
И улицъ неустанный шумъ.

Смѣется солнце. Ясно. Ясно.
На камняхъ матовой стѣны
Мелькаютъ бѣгло и согласно
Оттѣнки радостной весны.

Играютъ въ золотистомъ бѣгѣ
Лучи, дробимые стѣной.—
И лица женщинъ полны нѣги,
Рожденной свѣтлою весной.

Вотъ тамъ— идетъ, у загородки.
Какіе мелкіе шаги!
Есть что то страстное въ походкѣ
И въ подыманіи ноги.

Слѣжу за ней мечтой тревожной.
Межъ нами—тайное звено.
Восторгомъ близости возможной
Внезапно сердце смущено...

—Мой встрѣчный, ты зачѣмъ такъ мраченъ?
Ты полнъ задумчивыхъ тревогъ.
Какимъ восторгомъ я охваченъ,
Когда бъ почувствовать ты могъ!

О какъ я счастливъ! какъ я молодъ!
А ты—унылый, какъ въ плѣну.—
Къ моей груди цвѣтокъ приколотъ.
Мы оба празднуемъ весну!...

Ты говоришь—цвѣты не вѣчны,
Они увянутъ, какъ и мы.
Иди. Иди, мой бѣдный встрѣчный,
Сынъ ненавистной мнѣ зимы!..

1903. Весна.

II.

ПРОСВѢТЫ НѢЖНОСТИ.

I.

У СВѢТЛАГО МОРЯ.

Мнѣ сладостно-ново, мнѣ жутко-отрадно
Быть кроткимъ, быть робкимъ съ тобой.
Какъ будто я мальчикъ, взирающій жадно,
Вступающій въ міръ голубой.

Еще неизвѣданъ, и чуждъ, и не начатъ
Свѣтло́ пріоткрывшійся путь,—
А сердце ужъ что застѣнчиво прячетъ,
На что не позволитъ взглянуть.

Еще мнѣ невѣдомъ смущающій опытъ,
Еще я не по́былъ съ людьми,—
Мой робкій, мой первый, мой ласковый шопотъ
Прими, дорогая, прими.

У свѣтлаго моря прозрачныхъ плесканій,
Въ сліяньи двойной синевы,
Я вдругъ отошелъ отъ тревожныхъ сознаній,
Вліяній всемірной молвы.

И снова я мальчикъ, и жду, улыбаясь,
    И грёзы, и миги ловлю...
И весь отдаваясь, и сладко смущаясь,
    Тебя беззащитно люблю.

У свѣтлаго моря, въ сіяньи безбрежномъ,
    Гдѣ шелестно ласковъ прибой,—
Такъ сладко, такъ сладко быть робкимъ и нѣжнымъ,
    Застѣнчиво-нѣжнымъ съ тобой.

1904.

II.

СМѢЮЩІЙСЯ СОНЪ.

Мнѣ сладостно вспомнить теперь въ отдаленьи
Весь этотъ смѣющійся сонъ,
Все счастье мое въ непорочномъ сближеньи,
Которымъ я былъ упоенъ.

Когда, отрѣшенный отъ вредныхъ сознаній,
Бичующихъ пытокъ ума,—
Я сталъ серебристымъ, какъ звѣздныя ткани,
Которыхъ не трогаетъ тьма.

Когда, отрѣшенный мгновеннымъ разрывомъ
Отъ всѣхъ зацѣпившихся рукъ,—
Я сдѣлался грустнымъ и нѣжнымъ, и льстивымъ,
Твой преданный, ласковый другъ.

Мнѣ было такъ сладко повѣрить, смущаясь,
Что я не проснусь, не проснусь...
Мнѣ было такъ сладко беречь, опасаясь,
Нашъ тихій, нашъ чистый союзъ.

И вотъ въ отдаленьи, въ задумчивой кельѣ,
Гдѣ меркнетъ полуденный шумъ,
Сплетаются грезы, звенитъ ожерелье
Моихъ очарованныхъ думъ.

Все было такъ робко, мгновенно, мгновенно,
Одинъ молчаливый привѣтъ.
И сердце смутилось, дрожа и блаженно,
И въ сердцѣ—ласкающій свѣтъ.

Какая то радость незримыхъ присутствій,
Которыми весь упоенъ,
Какіе то зовы влекущихъ напутствій,
Какой то смѣющійся сонъ.

1904.

III.

НѢЖНОСТЬ.

Мы когда то встрѣчались съ тобой,
Поджидали другъ друга тревожно.
И казалось намъ: можно...
Былъ эфиръ голубой.

Серебрилъ нашъ весенній союзъ—
Смѣхъ, какъ струнъ перетянутыхъ тонкость—
Разбѣжавшихся бусъ
Восхищенная звонкость.

Мы смотрѣли другъ другу въ глаза,
Далеко, въ голубую бездонность.
Называлась: влюбленность—
Нашихъ грезъ бирюза...

Но, шипя, подступила зима,
Посѣдѣла земля, какъ старуха.
И морозилась тьма,
И мы кланялись сухо.

Но въ душѣ у меня сбереглось
Что то близкое ласковой боли.—
Точно стоны магнолій
Между дѣвичьихъ косъ...

Если можешь позволить. позволь.
Мнѣ такъ больно, и въ томъ неизбѣжность.
Эта тихая боль—
Называется: нѣжность.

1904.

IV.

У МЕНЯ ДЛЯ ТЕБЯ.

У меня для тебя столько ласковыхъ словъ и созвучій.
Ихъ одинъ только я для тебя могъ придумать, любя.
Ихъ пѣвучей волной, то нежданно-крутой, то ползучей,—
Хочешь, я заласкаю тебя?

У меня для тебя столько есть прихотливыхъ сравненій—
Но возможно ль твою уловить, хоть мгновенно, красу?
У меня есть причудливый міръ серебристыхъ видѣній—
Хочешь, къ нимъ я тебя отнесу?

Видишь, сколько любви въ этомъ нѣжномъ, взволнованномъ взорѣ?
Я такъ долго таилъ, какъ тебя я любилъ и люблю.
У меня для тебя поцѣлуевъ дрожащее море.—
Хочешь, въ немъ я тебя утоплю?

1902.

———

V.

МОТЫЛЬКИ.

Когда порой томлюсь прибоями
Моей тоски,
Жалѣю я, зачѣмъ съ тобою мы
Не мотыльки?

Была бъ ты вся воздушно-бѣлая,
Какъ вздохи грёзъ,
Летала бъ вкрадчиво-несмѣлая,
Средь жаркихъ розъ.

Летать съ тобой такъ соблазнительно
Среди цвѣтовъ.
О, какъ нѣжна, какъ упоительна
Жизнь мотыльковъ.

1902.

VI.

ВДВОЕМЪ.

Лежу. Забылся. Засыпаю.
Ты надо мной сидишь, любя.
Я не гляжу, но вижу, знаю—
Ты здѣсь, я чувствую тебя.

Я повернусь — и разговоры
Мы, улыбаясь, поведемъ,
И наши слившіеся взоры
Блеснутъ ласкающимъ огнемъ.

И ты, ко мнѣ прижавшись нѣжно,
Моихъ волосъ густую прядь
И шаловливо, и небрежно,
И тихо будешь разбирать.

И сѣвъ ко мнѣ на ложе друга,
Съ лучистой нѣжностью очей,
Ты будешь пѣть мнѣ пѣсни юга,
Напѣвы родины своей.

И, утомленно-полусонный,
Слѣдить я буду безъ конца
Волненье груди округленной,
Томленье смуглаго лица.

1902.

VII.

ПРОСТИ МЕНЯ.

Лишь только счастье нашей нѣжности
Я вспомяну,
Опять въ безумьи безнадежности
Себя кляну.

Такъ полонъ голосъ твой напѣвности
И взглядъ огня,
Что я невластенъ въ спышкахъ ревности. —
Прости меня.

Въ тотъ мигъ, когда тебя укорами
Я оскорбилъ,
Ужель не высказалъ я взорами,
Какъ я любилъ?..

На сердцѣ—гнетъ больной усталости.
О, оживи.
Ужели нѣтъ въ тебѣ и жалости,
Коль нѣтъ любви?...

Такъ полонъ голосъ твой напѣвности,
И взглядъ огня,—
Вѣдь, я невластенъ въ вспышкахъ ревности.—
Прости меня.

1902.

VIII.

СКАЖИ.

Ты мнѣ сразу странно понравилась
Съ перваго бѣглаго взгляда.
Отчего же отъ ласкъ моихъ ты избавилась
И упрямо шептала— не надо?

Мнѣ понравились взоры лукавые,
Затемненные нѣжной мечтою.
И какъ ходишь ты маленькой павою,
И въ ушахъ кольцо золотое.

Мнѣ понравилась рѣчи медлительность,
Мѣрной рѣчи пѣвучесть.
Будто кроется въ ней затруднительность
И тягучесть.

Говоря лишь обычное или небрежное,
Ты всю душу тревожишь,
Мнѣ казалось, ты хочешь сказать что то нѣжное —
И не можешь.

Видишь, въ этомъ во всемъ что то есть неизбѣжное.
Почему же мы медлимъ несмѣло?..
О, скажи же, скажи мнѣ то нѣжное,
Все то нѣжное, что хотѣла.

1903.

IX.

ТВОЕ КОЛЬЦО.

Твое кольцо есть символъ вѣчности.
Ужель на вѣчность нашъ союзъ?
При нашей радостной безпечности
Я вѣрить этому боюсь.

Мы оба слишкомъ беззаботные..
Прильнувъ къ ликующей мечтѣ,
Мы слишкомъ любимъ мимолетное
Въ его манящей красотѣ.

Какое дѣло намъ до вѣчности,
До черныхъ ужасовъ пути,
Когда въ ликующей безпечности
Мы можемъ къ счастью подойти?..

1903.

X.

АХЪ, ФЕЯ...

Ахъ, фея съ маленькими глазками,
Ужели ты понять не можешь,
Какъ недовѣрчивыми ласками
Меня ты мучишь и тревожишь?

Когда ко мнѣ ты подойдешь,
Во мнѣ и страсть, и безнадежность,—
И утомительная дрожь,
И опьянительная нѣжность...

Смущенный вкрадчивыми ласками,
Тебѣ повѣрилъ я тревожно,—
Ахъ, фея съ маленькими глазками,
Ужели счастье невозможно?

Вѣдь, я люблю тебя, люблю.
А ты лукавить лишь привыкла.
Но я люблю и умолю,
Чтобъ ты къ груди моей приникла...

Я весь дрожу, овѣянъ сказками,
Едва лишь на меня ты взглянешь.
Ахъ, фея съ маленькими глазками,
Меня ты больше не обманешь?

Когда ко мнѣ ты подойдешь
Во мнѣ и страсть, и безнадежность. —
И утомительная дрожь,
И усыпительная нѣжность.

1903.

XI.

НЕ ПОНЯЛА.

О ты, лукаво обманувшая
Мою довѣрчивую нѣжность
Лучистой сказкою мелькнувшая,
И утонувшая въ безбрежность!

Ты поняла ль? Ты поняла ль?
Любви довѣрчивой томленья?
Въ одномъ тягучемъ опьяненьи
Съ восторгомъ слитую печаль?

Не поняла моей ты нѣжности,
Моею не проникласъ страстью,
Когда лукавою небрежностью
Смутила ласковое счастье.

Ахъ, все равно. Мнѣ все равно.
— Иди теперь, куда ты хочешь.—
Грустишь ли ты или хохочешь,
Или забыла все давно...

Я принимаю неизбѣжное,
Но не хочу тебя я видѣть.
О, моя маленькая, нѣжная,
О, какъ могла ты такъ обидѣть...

1903.

———

XII.

ПОСЛѢ ПЕРВОЙ ВСТРѢЧИ.

Послѣ первой встрѣчи, первыхъ жадныхъ взоровъ
Прежде невидавшихся, незнакомыхъ глазъ,
Послѣ испытующихъ, лукавыхъ разговоровъ,
Больше мы не видѣлись. То было только разъ.

Но въ душѣ, захваченной безмѣрностью исканій,
Все же затаился ласкающій намекъ,
Словно тамъ сплетается зыбь благоуханій,
Словно распускается вкрадчивый цвѣтокъ...

Мнѣ еще невнятно, непонятно это.
Я еще не знаю. Повѣрить я боюсь.
Что то будетъ въ будущемъ? Робкіе привѣты?
Тихое ль томленье? Ласковый союзъ?

Или униженья? Новая тревожность?
Или же не будетъ, не будетъ ничего?
Кажется, что есть во мнѣ, есть въ душѣ возможность,
Тайная возможность, не знаю лишь— чего.

1903.

III.

ОЗАРЕННОСТЬ.

1903—1904.

I.

МИРАЖЪ ВЪ ГОСТИННОЙ.

Когда Вы двигаетесь мѣрно
По шелестящему ковру,
Всегда блѣдна, какъ свѣтъ невѣрный,
Какъ свѣтъ невѣрный поутру,

Мерцаютъ Ваши бриліанты,
Чуть дышетъ блѣдность на лицѣ,—
Тогда Вы кажетесь инфантой
Въ какомъ-то замкнутомъ дворцѣ,

Гдѣ вѣчно спущенныя шторы
Неколыхающихся пряжъ,
Гдѣ замираютъ разговоры,
Какъ потухающій миражъ.

Гдѣ строй остроконечныхъ башенъ
Воздвигъ грозящіе зубцы,
Гдѣ мракъ палатъ высокъ и страшенъ,
Гдѣ притаились мертвецы...

Какъ жутки древніе портреты
Всѣхъ, кто здѣсь властно обиталъ,
Скелеты, чьи-то силуэты
Дрожатъ въ бездонностяхъ зеркалъ.

Тамъ вѣчно кто-то правитъ брашна. —
Ахъ, отводя пугливый взглядъ,
Мечтать такъ радостно и страшно
Во мглѣ покинутыхъ палатъ.

Въ нихъ все звенитъ, какъ сновидѣнье,
Все совлекается въ миражъ.
О, какъ люблю я обольщенья,
Тоскующій и юный пажъ!

Я каждый день скрываюсь въ шторахъ,
И жду мучительно, пока
Я не заслышу тихій шорохъ
Ея шаговъ издалека.

Всегда блѣдна и молчалива,
Какъ свѣтъ невѣрный поутру,
Она проходитъ горделиво
По шелестящему ковру.

Но разъ, увидя взоръ унылый
И какъ я слѣдовалъ дрожа,
Она задумчиво спросила,
Спросила бѣднаго пажа.

Съ улыбкой ласковой и блѣдной,
Взоръ затѣнившей, какъ вуаль,
Она шептала: „бѣдный, бѣдный,
Скажи мнѣ всю твою печаль,

„Зачѣмъ грустишь уединенно,
И на щекѣ твоей слеза?“
Остановилась у колонны,
Поднявъ прекрасные глаза.

— „Какъ въ каждой грани бриліанта,
Весь блескъ созвѣздіи заключенъ,
Такъ въ васъ, инфанта, въ васъ, инфанта,
Весь міръ мой чудно воплощенъ.

„Ахъ, ваша тихая лилейность—
Свѣтъ возникающаго дня.
Моей мечты благоговѣйность
Вся жизнь отнынѣ для меня.

„Всю жизнь держать вамъ бриліанты,
За вами слѣдовать, молю...
Инфанта, гордая инфанта,
Я васъ безпомощно люблю!“...

Остановилась у колонны.
Въ коврахъ и шторахъ все мертво.
Задумчиво и потрясенно
Она глядѣла на него . . . . .
. . . .

Ахъ, міръ мечтательно-невѣрный
Надъ сердцемъ празднуетъ игру.
Когда Вы двигаетесь мѣрно
По шелестящему ковру.

———

II.

VALSE MASQUÉE.

1.

Серебристыя волны журчатъ и звенятъ.
Это — вальсъ! Это вальсъ опьянительный!...
—Какъ блеститъ вашъ нарядъ. Но задумчивый
взглядъ,
Отчего онъ тревожно-мучительный?
Отчего вы тѣмъ взглядомъ въ меня такъ впились,
Что становится мнѣ неувѣренно?..
Серебристыя волны звеня разлились.—
Это—вальсъ переплѣвно-размѣренный.

Что ты здѣсь все скользишь, наблюдательный макъ,
И глядишь, и блестишь діадемою?
О, блистательный макъ, я сегодня твой врагъ.
Я журчащей плѣненъ хризантемою,
А еще меня тянетъ въ шуршащій камышъ
Поплескаться вотъ съ тѣми наядами.
Ты ревниво дрожишь, горделиво молчишь
И грозишь оскорбленными взглядами...

—Подымите платокъ. Вы сегодня мой пажъ.
Нѣтъ, не надо, мой милый, единственный.
Этотъ вечеръ—онъ нашъ! О, неправда-ль, онъ нашъ.
Этотъ вечеръ желанно-таинственный.

Мы уйдемъ вѣдь потомъ? Мы пойдемъ въ этотъ садъ.
Помнишь, въ садъ съ вырѣзными перилами,
Гдѣ, какъ шепчущій взглядъ, тихо звѣзды дрожатъ
За дубами старинно-унылыми.

—О, конечно, пойдемъ. Но упорной не будь.
Вѣдь нельзя отстранить неизбѣжное.
О, такъ дай же прильнуть мнѣ на дѣвичью грудь.
Мнѣ покорною будь, моя нѣжная.
Неразрывнѣй всѣхъ узъ станетъ въ мигъ нашъ союзъ.
Серебристыя нити завяжутся..
Но зачѣмъ ты дрожишь, говоришь — я боюсь?
Не такъ страшно все это, какъ кажется.

Шелестятъ и скользятъ. Какъ красивъ ихъ нарядъ.
Кто въ плащѣ тамъ, картинно закутанный?
Паутинные волосы блѣдныхъ наядъ
Шаловливыми пальцами спутаны.
Опьяняющій взглядъ. Обжигающій взглядъ.
Ахъ, кружиться такъ сладко-томительно.
Серебристыя волны журчатъ, говорятъ.
Это—вальсъ! Это—вальсъ опьянительный.

2.

—„Предлагаютъ вамъ выборъ и трудный,
Предлагаютъ вамъ выборъ цвѣты“...
—Вьется вальсъ упоительно-чудный,
Вальсъ торжественно-яркой мечты. —

„Счастье страсти тревожной и душной
Или счастіе робкихъ надеждъ?“
И скользнуло вдругъ что-то воздушно
Изъ-подъ строго-опущенныхъ вѣждъ.

— „О, сіятельный макъ, вы коварны.
Но не труденъ, не труденъ отвѣтъ.
Счастье первыхъ надеждъ лучезарно,
Лучезарнѣе счастія нѣтъ.

„Но желаннѣй мнѣ бредъ и безумье,
Зажигающій ярко сердца.—
Страсть, пьянящая страсть безъ раздумья,
Безъ конца“.

Льется вальсъ упоительно-вольно,
Льется вальсъ упоительно-юнъ.
Звукамъ биться и сладко, и больно
Межъ задѣтыхъ, взволнованныхъ струнъ.

Звукамъ виться просторно, просторно,
Проскользая межъ люстръ и цвѣтовъ,
Приникая къ волнѣ разговорной
Недосказанно-шепчущихъ словъ.

———

III.

ВЪ КОЛЯСКѢ.

Заложили коляску. Подводятъ коляску.
О, какъ радостенъ солнечный свѣтъ!
Ты даришь своимъ дѣтямъ прощальную ласку,
Мимоходно-поспѣшный привѣтъ.

Свои тонкіе пальцы сжимая перчаткой
И къ груди прикрѣпляя сирень,
Ты спѣшишь и дрожишь, и смѣешься украдкой...
О, какъ радостно въ солнечный день!

Вся шурша на ходу, ты идешь по тропинкѣ,
По зеленой тропинкѣ въ саду.
Ты невѣрно скользишь въ своей узкой ботинкѣ.
Точно робко ступаешь по льду.

Заложили коляску. На крыльяхъ коляски
Отражается радужно свѣтъ.
Ты восторженно щуришь блестящіе глазки. —
О, я зналъ, ты изъ рода кометъ.

Почему ты такъ любишь безумье погони,
Упоительность быстрой ѣзды.
Потому такъ дрожатъ твои черные кони,
Сотрясаютъ, кусаютъ узды.

Какъ и ты улыбаясь, немного встревоженъ,
Полновѣсенъ, слегка неуклюжъ,
Озираясь, въ движеньяхъ своихъ остороженъ,
За тобою садится твой мужъ.

О, вы дружны и нѣжны. О, вы дружны и нѣжны.
Но вѣдь ты, ты изъ рода кометъ.
Почему-жъ ты не въ небѣ, на волѣ безбрежной,
И не солнцу звучитъ твой привѣтъ?

Развѣ можно кометѣ быть плѣнной, быть плѣнной?..
Иль восторгъ перелетовъ забытъ?
Но послышался топотъ и звонъ быстросмѣнный,
Звонъ отточенно-острыхъ копытъ.

Понеслись твои кони, твои черные кони,
Все кругомъ, какъ и ты, понеслось.
Голова твоя блещетъ въ воздушной коронѣ
Развѣваемыхъ вѣтромъ волосъ.

Ты глядишь, ты дрожишь, ты смѣешься украдкой.
На лету обрывая сирень.
Уноситься такъ сладко. Уноситься такъ сладко
Въ этотъ радостно-солнечный день!

IV.

ВАСИЛЬКИ.

Набѣгаетъ, склоняется, зыблется рожь,
Точно волны зыбучей рѣки,
И вездѣ василька,— не сочтешь, не сорвешь.
Ослѣпительно полдень хорошъ.
Въ небѣ тучекъ перистыхъ прозрачная дрожь.
Но не въ силахъ дрожать лепестки.
А туда побѣжать, черезъ рожь, до рѣки—
Васильки, васильки, васильки.

—„Ты вчера обѣщала сплести мнѣ вѣнокъ,
Повѣряла мнѣ душу свою.
А сегодня ты вся, какъ закрытый цвѣтокъ.
Я смущенъ. Я опять одинокъ.
Я опять одинокъ. Вотъ какъ тотъ василекъ,
Что груститъ тамъ, на самомъ краю—
О, пойми же всю нѣжность и все, что таю:
Эту боль, эту ревность мою".

—„Вы мнѣ утромъ сказали, что будто бы я
Въ чемъ-то лживо и странно таюсь,
Что прозрачна, обманна вся нѣжность моя,
Какъ свѣтящихся тучекъ края.
Вы мнѣ утромъ сказали, что будто бы я
Безсердечно надъ вами смѣюсь,

Что томительнѣй жертвъ, что мучительнѣй узъ—
Нашъ безмолвный и тихій союзъ".

Набѣгаетъ, склоняется, зыблется рожь,
Точно волны зыбучей рѣки.
И вездѣ васильки,—не сочтешь, не сорвешь.
Ослѣпительно полдень хорошъ!
Въ небѣ тучекъ перистыхъ прозрачная дрожь.
Но не въ силахъ дрожать лепестки.
А туда побѣжать, черезъ рожь, до рѣки —
Васильки, васильки, васильки!

V.

МОРОЗЪ.

О, не ходи на шумный праздникъ.
Не будь съ другими. Будь одна.
Морозъ, сѣдѣющій проказникъ,
Тебя ревнуетъ изъ окна...

Зажгла предъ зеркаломъ ты свѣчи.
Мерцаетъ дѣвичій покой.
Ты поворачиваешь плечи,
Ихъ гладя ласковой рукой.

Смѣясь, разсматриваешь зубки,
Прижавшись къ зеркалу лицомъ.
Тебя лепечущія юбки
Обвили сладостнымъ кольцомъ.

Полураздѣта, неодѣта,
Смѣясь, томясь, полулежа,
Въ тискахъ упругаго корсета,
Вся холодѣешь ты, дрожа.

Тебѣ томительно заранѣ—
Въ мечтахъ о сладкомъ торжествѣ.—
Вокругъ тебя шелка и ткани
Въ своемъ шуршащемъ волшебствѣ!..

Морозъ ревнивъ и не позволитъ.
Оставь лукавыя мечты.
Онъ настоитъ, онъ приневолитъ.
Его послушаешься ты.

Сердито свѣчи онъ задуетъ.
Не пуститъ онъ тебя на балъ.
О, онъ ревнуетъ, негодуетъ,
Онъ всѣ мятели разослалъ!

Ужъ онъ занесъ просвѣты оконъ,
Чтобъ не увидѣлъ кто-нибудь,
Какъ ты приглаживаешь локонъ
И охорашиваешь грудь.

О, уступи его причудѣ,
Ты, что бываешь такъ нѣжна.
О, не ходи туда, гдѣ люди.
Не будь съ другими. Будь одна.

Ты знаешь, вѣдь и мнѣ обидно,
Что ты побудешь у другихъ.
Что будетъ всѣмъ тебя такъ видно
Средь освѣщеній золотыхъ,

Что будутъ задѣвать несмѣло
Тебя, твой вѣеръ, кружева,
Смотрѣть на ласковое тѣло
Черезъ сквозные рукава.

VI.

ЧТО ЗНАЛИ ЦВѢТЫ.

Une veillée.

Georg Bachmann.

И вотъ отлетѣлъ оборвавшійся вздохъ.
На лицѣ ея—блѣдность и мракъ.
И цвѣтутъ у ея холодѣющихъ ногъ
Лилія, роза и макъ.

И шепчетъ лилія: видѣла я,
Какъ вчера прокралась она, радость тая,
Сюда, гдѣ зеркалъ ослѣпляющій рядъ,
Бросить взглядъ на свой бальный нарядъ.

—Отчего-жъ его нѣтъ? Отчего-жъ онъ далекъ?
Былъ такъ нѣженъ тревожный упрекъ.
Умерла она чистой, какъ лиліи цвѣтъ,
Въ непорочности дѣвственныхъ лѣтъ.
Роза сказала: нѣтъ.

Шепчетъ роза, блѣднѣя: я знаю зачѣмъ
Цѣлый день ея видъ былъ такъ нѣмъ.
О, я знаю, какъ жарко въ полуночный часъ
Въ ея губы другія впивались не разъ.

Въ эту ночь ни на часъ не сомкнула я глазъ.
Неотвязная музыка мучила насъ. .
Вотъ сюда прокралась она, въ дальній покой,
Она и другой, молодой.

Здѣсь томились они межъ узорныхъ ковровъ,
Межъ дыханій тлетворныхъ моихъ лепестковъ.
Но внезапно вскричавъ, она скрылась во мракъ,
Заглушая стыдящійся шагъ.
Нѣтъ! промолвилъ макъ.

Я вѣчной смерти мгновенный братъ.
Невѣдомъ людямъ мой ароматъ.
Но я знаю, все знаю, мнѣ видѣть пришлось,
У прекрасной я былъ между косъ.

Нынче утромъ, когда этотъ балъ отзвучалъ,
На прощальномъ пиру межъ высокихъ зеркалъ,
Сидѣла она, блѣдна и одна,
Того, молодого жена.

Былъ въ зеркалѣ страненъ померкнувшій взглядъ.
Я видалъ, въ ея стиснутыхъ пальцахъ былъ ядъ.
А потомъ я видалъ въ этихъ пальцахъ бокалъ,
И онъ странно дрожалъ. Я видалъ. Я видалъ...

Такъ лежала она. И былъ видъ ея строгъ.
Въ глазахъ—неподвижность и мракъ.
И цвѣли у остывшихъ, неласковыхъ ногъ
Лилія, роза и макъ.

———

VII.

МОЕЙ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ.

Когда я мальчикъ, не любившій,
Но весь въ предчувствіяхъ любви.
Въ уединеніяхъ вкусившій
Тревогу вспыхнувшей крови,

Еще довѣрчивый, несмѣлый,
Взманенный ласковостью грезъ,
Ненаученный, неумѣлый,
Тебѣ любовь свою принесъ,

Ты задрожала нѣжной дрожью,
Ты улыбнулась, какъ звѣзда,—
Я былъ опутанъ этой ложью,
И мнѣ казалось—навсегда.

Мнѣ нравились твои улыбки,
Твоя щебечущая рѣчь,
И станъ затянутый и гибкій,
И узкость вздрагивавшихъ плечъ.

Твои прищуренные глазки
И смѣха серебристый звукъ,
И ускользающія ласки
Слегка царапающихъ рукъ.

Я съ каждымъ днемъ все неизмѣннѣй
Лелѣялъ шепчущую тѣнь
Той, въ комъ все нѣжно и весенне,
Какъ нераскрытая сирень...

Такъ путникъ степью бездыханной
Несясь въ томительномъ бреду,
Лелѣетъ взоромъ неустанно
Путеводящую звѣзду...

Но звѣздъ на небѣ безконечность,
Свѣтлоукрашенныхъ сестеръ.
И я, вкусивши разъ безпечность,
Ко всѣмъ желаніе простеръ.

И падаютъ они тревожно,
Черча серебрянную нить,
Когда я имъ шепчу, что можно
Безмѣрность неба охватить.

Еще дрожащихъ отъ похмѣлья,
Отъ вихрей пройденныхъ пространствъ,
Я ихъ сплетаю въ ожерелье,—
Вѣнокъ моихъ непостоянствъ.

Когда ты хочешь быть какъ прежде,
Со мною снова— то я жду.
Я помню въ сладостной надеждѣ
Перворожденную звѣзду.

Пусть ты теперь еще невѣрнѣй,
Желаній больше притая,
На прежнемъ мѣстѣ въ часъ вечерній
Сегодня снова буду я!

VIII.

МЕЖЪ ЛЕПЕСТКОВЪ.

Ты помнишь наши встрѣчи лѣтомъ
Межъ лепестковъ, межъ лепестковъ?
Гдѣ трепеталъ, пронизанъ свѣтомъ,
Кудряволиственный покровъ?
Ты помнишь, раздвигая травы,
Мы опускались у куста?
И были взоры такъ лукавы,
И такъ застѣнчивы уста.
Къ стволу развѣсистаго дуба
Затылкомъ приклонялась ты,
И жадно я впивался въ губы—
Двѣ влажно-алыя черты.
Я обвивалъ руками шею
И локти клалъ тебѣ на грудь.
И называлъ тебя моею,
И всю тебя хотѣлъ втянуть...
Дрожали лепестки смущенно
Въ волнахъ вечерняго огня...
. . . .
Зеленоглазая мадонна,
Еще ты помнишь ли меня.

IX.

МИМОЗА.

Мы будемъ близки. Я въ томъ увѣренъ.
Я этой грезой такъ дорожу.
Восторгъ предчувствій —о, онъ безмѣренъ.
Я суевѣренъ. Я весь дрожу.

Мимозой строгой она родилась,
Безгласна къ просьбамъ и ко всему.
И вдругъ такъ чудно перемѣнилась
И пріоткрылась мнѣ одному.

Она мимоза. Она прекрасна.
Мнѣ жаль васъ, птицы! И васъ, лучи!
Вы ей не нужны. Мольбы—напрасны.
О, вѣтеръ страстный, о, замолчи.

Я лишь счастливый! Я въ томъ увѣрень.
Я этой грезой такъ дорожу.
Восторгъ предчувствій—о, онъ безмѣренъ.
Я суевѣренъ. Я весь дрожу.

X.

НАМЕКИ ЧУВСТВЪ.

1.

Таишь ли думы иль веселье,
Иль порыванія къ борьбѣ—
Все съ полудикою газелью
Есть что-то схожее въ тебѣ.

Царитъ въ твоихъ движеньяхъ—ровность.
Въ глазахъ — мерцающая тишь.
Но я боюсь, что тó условность
И что иное ты таишь.

Полна ты тайнъ и обаянья—
О, вѣрно, ужъ познала ты
И своевольныя желанья,
И одичалыя мечты...

2.

Мой взоръ въ твоемъ нежданно встрѣтилъ
И одичалость, и порывъ,—
Въ тебѣ лукаво я подмѣтилъ
Страстей томительный приливъ.

Теперь лишь понялъ я, какъ скученъ
Тебѣ твой путь въ долинной мглѣ,
Какъ легкокрылый духъ измученъ,
Своей покорностью землѣ.

Какъ ты мечтаешь и дичишься,
И недовѣрчиво молчишь,
Какъ ты изнѣженно томишься,
Уйдя въ мучительную тишь...

3.

Я знаю, взоръ твой ярко-черный,
Сквозь сѣть отточенныхъ рѣсницъ,
Уже не разъ блисталъ задорно
Огнемъ презрительныхъ зарницъ.

Тебя навѣрно тянетъ въ горы
Неодолимая тоска,
Гдѣ все громады, да просторы,
Гдѣ горы вторглись въ облака,

Гдѣ вѣтры правятъ новоселье,
Въ весельѣ дикомъ и борьбѣ—
Недаромъ съ быстрою газелью
Есть что то схожее въ тебѣ...

XI.

В ДУШНЫХЪ ГРЕЗАХЪ.

То въ упоительныхъ напѣвахъ,
То въ душныхъ грезахъ по ночамъ,
Мечтаю я о юныхъ дѣвахъ—
И нѣтъ конца моимъ мечтамъ.

Какъ эти дѣвы черноoки!
Какъ тонки выгибы ихъ спинъ!
Я сладострастный, я жестокій,
Я ихъ капризный властелинъ.

Люблю я царственныя игры,
Мои причуды—мнѣ законъ.
Забавы кошки или тигра—
Я въ васъ мучительно влюбленъ!

То повелитель я жестокій,
То самъ у ногъ невѣрныхъ дѣвъ
Всѣмъ, кто стройны и черноoки,
Шлю свой изнѣженный напѣвъ.

XII.

КРИКЪ АЛЬБАТРОСА.

К. Бальмонту.

О, мой братъ! О, мой братъ! О, мой царственный братъ!
Бѣлокрылый, какъ я, альбатросъ.
Слышишь, чайки кричать. Воздухъ тьмою объятъ,
Пересвѣтомъ удушливыхъ грозъ.

Это—вихрь! Это—вихрь! О, какъ ждалъ я его!
И свободѣ, и вихрямъ я радъ.
Это бури надъ моремъ—мое торжество.
О, мой братъ! О, мой царственный братъ!

О, я молодъ еще, и ты знаешь, я смѣлъ!
О, я смѣлъ! Я, какъ ты, альбатросъ!
Я не даромъ такъ долго надъ моремъ летѣлъ,
Я ни разу не палъ на утесъ.

Я съ завистливымъ грифомъ ужъ бился не разъ.
О, косматый, нахмуренный грифъ,
Скоро вырву я твой огнеблещущій глазъ,
Глубоко его клювомъ пронзивъ.

О, я смѣлъ! Я недавно орла одолѣлъ,
Въ изступленномъ, жестокомъ бою.
Какъ я злобой кипѣлъ! Какъ я бился, хрипѣлъ,
Вырывая добычу свою.

Всѣмъ ухваткамъ меня, о мой братъ, научи.
Этимъ схваткамъ жестокимъ я радъ.
Но смотри... закровавились въ небѣ лучи,
И косматыя тучи висятъ.

Это — бури торжественно-медленный ходъ.
Это—буря въ порфирѣ своей...
Во главѣ шлемоблещущихъ ратей идетъ -
Вѣнценосная буря морей.

Рѣзко чайки кричатъ. Воздухъ тьмою объятъ.
Пересвѣтомъ удушливыхъ грозъ...
О, мой братъ! О, мой братъ! О, мой царственный братъ!
Какъ я счастливъ, что я альбатросъ!

IV.

ВЪ ГОРОДѢ.

1903—1904.

5

I.

СМѢХЪ.

На тонкихъ вѣткахъ кудрявый иней,
Какъ серебристо-пушистый мѣхъ.
И тучъ просвѣты лучисто-сини.
На вѣткахъ иней. На сердцѣ—смѣхъ!

Какъ двѣ снѣжинки, сомкнувшись крѣпко,
Неслись мы долго среди пространствъ.
Была ты робкой, была ты цѣпкой.
Я—въ упоеніи непостоянствъ...

Летятъ снѣжинки, покорно тая,
И осѣдая на острія.
Иду. Встрѣчаю. Я забываю.
Все мимолетно, и вѣченъ я!

Встрѣчаю женщинъ. Зовутъ улыбки.
И нѣженъ профиль склоненныхъ лицъ.
И снѣгъ мелькаетъ—онъ мягкій, липкій,
Онъ запушаетъ концы рѣсницъ.

На тонкихъ вѣткахъ кудрявый иней.
Какъ серебристо-пушистый мѣхъ.
И тучъ просвѣты лучисто-сини.
На вѣткахъ иней. На сердцѣ—смѣхъ!

II.

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

Намъ прежде казалось желанной
Наша близость и ласковость встрѣчъ.
Теперь все такъ смутно, такъ странно.
Ничего не могли мы сберечь.

Мы встрѣтились тамъ, гдѣ распутство,
И продажность и жажда любить,
Гдѣ яркость и шумъ многолюдства,—
Гдѣ намъ тоже хотѣлось побыть.

Въ рядахъ убѣгающе-ровныхъ
Фонари прорѣзали туманъ.
На лицахъ худыхъ и безкровныхъ
Оскорбляло безстыдство румянъ...

И вдругъ эта робость походки
И смущенная нѣжность лица.
И видъ удивленный и кроткій,
И въ ушахъ два большія кольца...

Я вѣрилъ тогда, что я молодъ
И быть тоже счастливымъ могу...
Былъ вѣтеръ и рѣжущій холодъ.
Проходившіе были въ снѣгу.

———

III.

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ.

Снѣгъ серебристый, пушистый, пушистый.
Санокъ искрящійся бѣгъ.
Сѣрое небо пустынно и мглисто.
Падаетъ медленный снѣгъ.

Весь изнемогшій, какъ люди продрогшій,
Мѣсяцъ томится вверху.
Снѣгъ, на губахъ отъ дыханья намокшій,
Таетъ въ пушистомъ мѣху...

Мракъ и ненастье. И безучастье.
Въ грудь безнадежность впилась.—
Хочется счастья. Какъ же безъ счастья?
Надо вѣдь счастья хоть разъ...

Встрѣтился кто-то. Прошелъ озабоченъ:
Встрѣтился кто-то въ снѣгу.
Вѣтеръ и холодно. Холодно. Очень.
Мѣсяцъ въ туманномъ кругу...

Рядъ фонарей убѣгающій ровно.
Все-проницающій мракъ.—
Губы отверженныхъ женщинъ безкровны.
И неувѣренъ ихъ шагъ.

Снѣгъ и ненастье. И безучастье.
Въ грудь безнадежность впилась.
Хочется счастья. Какъ же безъ счастья?
Надо вѣдь счастья хоть разъ.

IV.

Ж Д У.

Прежнее счастье возможно.
Ты мнѣ сказала: приду,
Холодно мнѣ и тревожно.
Нетерпѣливо я жду...

Сколько же нужно усилій
Прежнее счастье вернуть!
Мы вѣдь ужъ близкими были.
Милая, не позабудь.

Нѣтъ, не измученный страстью.
Напоминаю о томъ.
Просто, повѣрилось въ счастье,
Въ счастьѣ быть намъ вдвоемъ.

Ходятъ. Подходятъ. Проходятъ.
Поздній, мучительный часъ.
Долгія тѣни наводитъ
Неумирающій газъ.

V.

НА БУЛЬВАРѢ.

Зловѣще-мертвенный и синій
Надъ городомъ сгустился паръ.
Рядами освѣщенныхъ линій
Живетъ и движется бульваръ.

Какъ блескъ безжизненнаго глаза —
Просвѣты каменныхъ домовъ.
Тревожно вспыхиваютъ газы,
И черный падаетъ покровъ...

— „Вашъ профиль ласковый и тонкій.
Онъ душу тянетъ въ зыби грезъ". —
Звонки и шумы, скрипы конки.
Стукъ разбѣжавшихся колесъ.

— „Вашъ профиль вдумчивый и строгій.
Давно люблю его изгибъ".—
Удало погремѣли дроги.
И лязгъ, и грохоты, и скрипъ.

— „Вашъ профиль шепчущій и нѣжный.
Зачѣмъ вы здѣсь? Среди всего?“—
Гудитъ стозвучнѣй ревъ желѣзный,
Свое почуя торжество.

Зловѣще вспыхиваютъ газы,
И черный падаетъ покровъ.
Какъ смѣхъ безжизненнаго глаза—
Просвѣты каменныхъ домовъ.

VI.

ПРИ СВѢТѢ ГАЗА.

Влача мучительныя тѣни
По длиннымъ плитамъ тротуара,
Въ тревогѣ смутныхъ освѣщеній
Бредутъ задумчивыя пары.

Протяжный гулъ упорно длится.
Туманны лица въ свѣтѣ газа.
Какъ звѣрь безмѣрный и стоглазый,
Затихшій городъ шевелится.

—„Уйдемъ! Уйдемъ! Здѣсь давятъ стѣны.
Я слезъ не въ силахъ превозмочь.
Я надъ чудовищной измѣной
Опять проплакала всю ночь.

„Уйдемъ! Уйдемъ! Здѣсь гулъ и топотъ,
Людей тревожныхъ суетня...
О, какъ онъ лгалъ—твой нѣжный шопотъ,
Какъ ты обманывалъ меня!"

Протяжный гулъ упорно длится.
Обманны лица въ свѣтѣ газа.
Какъ звѣрь злорадный и стоглазый,
Безмѣрный городъ шевелится...

Въ тревогѣ смутныхъ освѣщеній
Всѣ недовѣрчивы и стары
Проходятъ тѣни. Гибнутъ тѣни.
Бѣлѣютъ плиты тротуара.

VII.

СКАЗКА ОСЕННЕЙ ЛЮБВИ.

Вечеръ былъ матовый, вечеръ осенній,
Вечеръ, союзный мечтамъ.
Городъ былъ хмурый и черныя тѣни
Плыли по длиннымъ стѣнамъ.

Мѣсяцъ безжизненный, блѣдный и острый,
Съ лѣвой сверкалъ стороны.
Звѣзды глядѣли, какъ вѣщія сестры,
Какъ воплощенные сны.

Красныя, ярко прозрачныя тучи
Гасли, пурпурно дыша,
Падали листья въ подвижныя кучи,
Падали, тихо шурша.

Блѣдной угрозою облачный глетчеръ
Остро тянулся изъ тьмы.
Въ этотъ тоскующій, матовый вечеръ
Встрѣтились, встрѣтились мы...

Въ часъ, когда наши горячія губы
Смутный порывъ сочеталъ,
Въ часъ, когда нищій хромой и беззубый
Счастья намъ пожелалъ,

Птицы кидали осеннія гнѣзда,
Съ крикомъ летѣли на югъ,
Грустно глядѣли высокія звѣзды,
Взоромъ испытанныхъ мукъ.

Въ часъ, когда съ дрожью за темной гардиной
Я поднялся надъ тобой
И приклонился къ груди лебединой,
Точно упавшій прибой,

Двѣ изъ нихъ тихо и грустно скатились,
Соединились въ одну.
Свѣтомъ мерцающимъ вдругъ озарились,
Ярко прорвавъ вышину...

Но въ быстролетно-отвѣсномъ паденьи
Былъ непосильный порывъ,
Тихо погасли они въ отдаленьи,
Полночь на мигъ озаривъ...

Все понимая, жалѣя, жалѣя,
Съ жгучею жаждой помочь,
Ангелы плыли, торжественно вѣя,
Чрезъ серебристую ночь.

Видѣли ангелы звѣздные знаки,
Звѣздные знаки о насъ,
И зарыдали въ притихнувшемъ мракѣ
Въ этотъ томительный часъ.

Вновь о своемъ зарыдали безсильи,
Прокляли знанье свое,
Обозрѣвая въ лучистомъ воскрыльи
Скорбной земли бытіе.

VIII.

СЫНЪ ГОРОДА.

Мих. Пантюхову.

Und wenn du lange in einen
Abgrund blickst, blickt der
Abgrund auch in dich hinein.

Nietzsche.

Пойду къ тому, который слышитъ,
Хотя придавленный въ борьбѣ, —
Который также трудно дышитъ,
Сынъ города! пойду къ тебѣ!

Ты весь какой-то блѣднолицый,
Учуявшій тяжелый грузъ...
Ты тоже быть мечтаешь птицей,
И съ солнцемъ празднуешь союзъ!

Но ты ужъ понялъ всю побѣдность
Окаменѣлыхъ этихъ стѣнъ.
И оттого въ тебѣ и блѣдность,
И ненасытность перемѣнъ.

Твои усталыя бесѣды —
Безсильно-мертвенный полетъ.
Но въ нихъ тревожно свѣтятъ бреды
Предвосхищаемыхъ высотъ.

Ты обезсиленъ и ненуженъ
Въ превозмоганьяхъ и борьбѣ. —
И оттого то ты мнѣ нуженъ.
Сынъ города! пойду къ тебѣ!

IX.

ВЪ ГОРОДСКОМЪ САДУ.

Мы бродили долго. Мы далеко ушли.
Я дышалъ испуганно. Мнѣ счастіе приснилось.
На груди зеленой загрезившей земли
Маленькое счастье робко распустилось.

Ты просила вѣтку на память оторвать.
Ты весну любила. Весна едва возникла.
Не хотѣлось двигаться, хотѣлось лишь дышать.
Ты ко мнѣ сближающе, ласково приникла.

На тебя смотрѣлъ я, не отрывая глазъ.
Забывалъ я городъ и весь полдневный опытъ.
Межъ кустовъ темнѣющихъ, толпившихся вкругъ насъ
Пробирался шопотъ. Пробирался шопотъ.

Сторожъ оглянулся. Сторожъ проходилъ.
Проходили тучки лиловой вереницей.
Ты просила вѣтку, я вѣтку отломилъ.
Мѣсяцъ выдвигался, большой и круглолицый.

Вѣтка вся зеленая, она была въ дождѣ.
Вся дождемъ забрызгана, липовая вѣтка.
Тихо все покоилось, не двигалось нигдѣ.
Только ты дышала медленно и рѣдко.

Кто то рѣзко крикнулъ. Залился свистокъ.
Гдѣ нибудь сбѣжались, затолпились люди.
Тихо озарился матовый востокъ.
Въ вѣчно неизмѣнномъ, непонятномъ чудѣ.

Кто нибудь кого нибудь теперь убилъ ножомъ.
Онъ любилъ мучительно, мучительно и нѣжно.
Любятъ и встрѣчаются, чтобы убить потомъ.
Это искупленіе. Это неизбѣжно.

Кровью вся залитая, она теперь лежитъ.
Грудь ея раскрытая. Разорванъ узкій воротъ.
Въ воздухѣ предутреннемъ рѣзокъ стукъ копытъ.
Пѣтухи пропѣли. Пробудился городъ.

Сталъ востокъ весь ласковый, какъ ты, моя любовь,
Ты, которой преданъ я, безпомощно, безумно.
Снилась мнѣ сегодня разбрызганная кровь,
И толпа сдвигалась, встревоженно и шумно.

Ты, что захватила, взяла всю жизнь мою.
Ты смотришь вдумчиво, загадочно и нѣжно.
Понялъ я сегодня, что я тебя убью.
Это искупленіе. Это неизбѣжно.

Сторожъ оглянулся. Сторожъ проходилъ.
Въ эту ночь весеннюю я снова былъ несмѣлымъ.
Вѣтку ты просила. Я вѣтку отломилъ,
Янтаремъ залитую, сверкающимъ и бѣлымъ.

Кто то этой ночью смѣлѣе былъ, чѣмъ я,
Кто то разрѣшившій, убившій всѣ вопросы.
Утро засіяло. Сверкнули острія.
Заблестѣли окна. Заблестѣли росы.

Въ эту ночь весеннюю тебя я не убилъ.
Въ эту ночь весеннюю я былъ опять несмѣлый,
Въ эту ночь весеннюю тебя я такъ любилъ,
Сладко-обезсиленный, душно-онѣмѣлый.

X.

ВСТРѢЧНЫЯ ТѢНИ.

О, встрѣчныя тѣни на улицѣ людной,
Васъ создалъ чадящій, удушливый газъ.
Ужель и на солнечномъ свѣтѣ вамъ трудно?
Усталы и скудны улыбки у васъ.

О, встрѣчные люди на улицѣ шумной,
Зловѣще-угрюмый, тревожный потокъ,
Вы—отблески Смерти властительно-чумной,
Съ багровымъ затекомъ расплывшихся щекъ.

Куда вы спѣшите? Чего вы хотите?
Уйдите! Уйдите! Я васъ не хочу!
Ужель вы спѣшите на радость открытій,
На радость открытій навстрѣчу лучу?

Здѣсь солнце въ лучахъ многозвонныхъ и алыхъ.—
Не надо усталыхъ! Идите домой!
Идите, сидите въ зловонныхъ подвалахъ,
Заботливо скрытые ласковой тьмой...

Кружатся, тѣснятся, бѣгутъ вереницей,
Удушливой грудой, какъ будто во снѣ.
Стеклянные взоры и странныя лица.
И всюду, повсюду и прямо ко мнѣ!

Испуганно-блѣдныя, грязныя дѣти,
И чахлые юноши съ блескомъ угрей,
И дѣвы съ грудями, какъ старыя плети.
Не эти! Не эти! Уйдите, скорѣй!

Идите, сидите въ зловонныхъ подвалахъ.
Не надо усталыхъ въ поту и крови!
Здѣсь солнце въ лучахъ многозвонныхъ и алыхъ!.
Здѣсь праздникъ влюбленныхъ, здѣсь праздникъ любви!

О, гдѣ же всѣ тѣ, кто и счастливъ и молодъ?
Грохочущій Городъ, куда ты ихъ скрылъ?
Вѣдь этихъ пришибъ чей то каменный молотъ,
Вѣдь это все выходцы чумныхъ могилъ!

И Солнце закрылось, и Солнце стыдится,
И съ Мѣсяцемъ скорбный ведетъ разговоръ.
И Городу снится, и Городу снится
Его торжество и послѣдній позоръ...

И Мѣсяцъ выходитъ, глядитъ блѣднолицый.
Гудитъ и грохочетъ угрюмый потокъ.—
Стеклянные взоры, туманныя лица
Съ багровымъ затекомъ расплывшихся щекъ!

XI.

ВЪ МОРОЗНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Первый ледъ и невѣрный и хрупкій.
Онъ хруститъ подъ ногами и гнется.
Приподнявши шуршащія юбки,
Она мимо идетъ... не смѣется.

Ея волосы стянуты сѣткой
Подъ кокетливо-скромною шляпкой.
На плечахъ пуховая горжетка
Съ чьей то мягкой, ласкающей лапкой.

Ненавистный морозъ! Проклинаю!
Это ты меня сдѣлалъ несмѣлымъ.
Она робкая вся и больная
Съ этимъ маленькимъ, зябнущимъ тѣломъ.

Какъ въ бреду я иду вслѣдъ за нею,
Обольщенная тѣнь незнакомки.—
И мнѣ холодно. Я цѣпенѣю.
И хрустятъ ледяные обломки.

Скоро я, истомленный, ослабну,
Упаду на обмерзлые камни.
О, какъ холодно. О, какъ я зябну.
Какъ мучительно ты далека мнѣ.

Намъ встрѣчаются гордыя дамы,
Фонари и оконъ вереницы...
О, какъ лгутъ эти свѣтлыя рамы,
Обнаженныя словно блудницы.

О, какъ лгутъ эти яркія стекла,
Опьяненныя роскошью жизни.
Все погибло давно. Все поблекло.
Мы на страшной торжественной тризнѣ.

Этотъ городъ сгорѣлъ и разрушенъ.
Нераскопанный пепелъ дымится.
Льдистый воздухъ какъ стрѣлы бездушенъ.
Льдистый вѣтеръ свиститъ и клубится.

Нѣтъ меня, кто усталъ и печаленъ,
Нѣтъ тебя въ серебристой одеждѣ.
Въ этомъ хаосѣ черныхъ развалинъ
Мы лишь призраки бывшаго прежде.

Гдѣ же люди? Какъ коршуны люди,
Поднялись, полюбили уступы.
Здѣсь же, въ этой дымящейся грудѣ
Лишь одни обгорѣлые трупы.

Только вѣтеръ свистящій и льдистый,
Завывающій, злобный, безумный.—
Только ледъ, только ледъ серебристый,
Только пепелъ заразный и чумный.

XII.

ВЕЧЕРЪ.

Вечеръ. Вечеръ. Не надо рыданій.
Городъ спитъ. Остываетъ гранитъ.
Надъ опаловой тканью закатныхъ мерцаній
Опускается облачный щитъ.

Я искалъ вдохновеній, славословящіи муки,
Я хотѣлъ быть наперсникомъ грезъ.
Опускаются вѣтви, какъ скорбныя руки,
Зеленѣющихъ, тонкихъ березъ.

Не горятъ, не сверкаютъ кресты колоколенъ,
Точно мертвые—спятъ наверху.
Мнѣ не надо бороться. Я боленъ, я боленъ.
Обрученный и вѣрный грѣху.

Вечеръ. Вечеръ. Сгущаются тѣни
И шагаютъ, и стынутъ во мглѣ.—
Часъ блаженнаго міра и кроткихъ успеній
На шумящей и скорбной Землѣ.

И не надо блаженства, не надо рыданій.
Городъ спитъ. Остываетъ гранитъ.
Надъ опаловой тканью закатныхъ мерцаній
Опускается облачный щитъ.

XIII.

ЗВОНЯТЪ ВЪ ЦЕРКВЯХЪ.

Звонятъ въ церквяхъ. О, гулъ созвонный,
О, какъ люблю я этотъ гулъ.
Весь городъ съ Кѣмъ то примиренный
Въ очарованьяхъ утонулъ.

Недавнихъ, темныхъ тучъ волокна
Всѣ разбѣжались и—въ огнѣ.
Горятъ рубиновыя окна.
И свѣтъ играетъ на стѣнѣ.

На небѣ—отблескъ багряницы.
Звучитъ тамъ шествіе зари.
Какъ чьи то ласковыя лица,
Мигаютъ робко фонари.

Не мучитъ душу гулкій топотъ
И звонъ отточенныхъ копытъ.
Дневной, многовѣковый опытъ
Забытъ, восторженно забытъ!..

Звонятъ въ церквяхъ и плачутъ звуки
Созвонно-ласковой мольбой.—
О, вы ломающіе руки
Передъ невидящей судьбой,—

Какъ воспаленны ваши взгляды,
Какъ ваши вопли горячи!..
Ни слёзъ, ни выкриковъ не надо.
Молчи. Довѣрчиво молчи.

Тиха вечерняя лампада
И свѣтъ молитвенной свѣчи.
Ни слёзъ, ни выкриковъ не надо.
Молчи. Довѣрчиво молчи.

XIV.

ВЪ ЦЕРКВИ.

Во храмѣ затуманенномъ мерцающая мгла.
Откуда-то доносятся, гудятъ колокола.
То частые и звонкіе, то точно властный зовъ,
Удары полновѣсные большихъ колоколовъ.

Торжественны мерцанія. Безмолвенъ старый храмъ.
Зловѣще тѣни длинныя собрались по угламъ.
Надъ головами темными молящихся фигуръ
Покровъ невѣрныхъ отсвѣтовъ и сумраченъ и хмуръ.

И что то безнадежное нависло тяжело,
Тревожно затуманивши высокое стекло.
И потому такъ мертвененъ уборъ парчевыхъ ризъ,
И потому всѣ люди тутъ угрюмо смотрятъ внизъ.

Есть это безнадежное въ безжизненныхъ святыхъ,
Въ ихъ нимбахъ желто-дымчатыхъ, когда то золотыхъ.
И въ лицахъ умоляющихъ пригнувшихся людей,
И въ шляпкахъ этихъ впившихся, безжалостныхъ
гвоздей...

И ты, моя желанная, стоишь здѣсь въ уголкѣ.
И тоненькая свѣчечка дрожитъ въ твоей рукѣ.
Вся выпрямившись, дѣвственно, безпомощно тонка,
Сама ты—точно свѣчечка съ мерцаньемъ огонька.

О, милая, о, чистая, скажи, зачѣмъ ты тутъ,
Гдѣ слышенъ блѣднымъ грѣшникамъ зловѣщій ходъ
минутъ.
Гдѣ всѣ кладутъ испуганно на грудь свою кресты,
Почуя близость вѣчности и ужасъ пустоты.

Гдѣ свѣтъ едва мерцающій чуть дышетъ наверху.
Гдѣ плачутъ обреченные давящему грѣху.
Гдѣ прямо и довѣрчиво стоишь лишь ты одна,
Но тоже поблѣднѣвшая и вдумчиво-грустна.

Скажи, о чемъ ты молишься? О чемъ тебѣ грустить?
Иль можетъ ты почуяла таинственную нить,
Что душу обхватила мнѣ обхватомъ цѣпкихъ травъ,
Съ твоею непорочностью мучительно связавъ.

О, милая, прости меня за мой невольный грѣхъ.
За то, что сталъ задумчивымъ твой непорочный смѣхъ,
Что вся смущаясь внемлешь ты невѣдомой тоскѣ,
Что тоненькая свѣчечка дрожитъ въ твоей рукѣ,

Что ближе стали грѣшники, собравшіеся тутъ,
Ловящіе испуганно зловѣщій ходъ минутъ,
Кладущіе безропотно на грудь свою кресты,
Почуя близость вѣчности и ужасъ пустоты.

V.

БОЛЬ И СОЗНАНІЯ.

1904.

I.

У ОЗАРЕННАГО ОКОНЦА.

Какъ прежде ярко свѣтитъ солнце
Среди сквозящихъ облаковъ.
Озарено твое оконце
Созвучной радугой цвѣтовъ.

Скользя по облачкамъ перистымъ,
Бѣжитъ испуганная тѣнь,
И на лицѣ твоемъ лучистомъ —
Изнемогающая лѣнь.

Ахъ, я въ любви своей неволенъ...
Межъ нами—ласковый союзъ.
Но ты не знаешь, что я боленъ,
Безумно боленъ... и таюсь.

Ты вся какъ этотъ свѣтъ и солнце,
Какъ эта ласковая тишь.
У озареннаго оконца
Ты озаренная сидишь.

А я встревоженъ, я безсиленъ...
Во мнѣ и стукъ, и свистъ и стонъ.
Ты знаешь городъ—онъ такъ пыленъ?
Я имъ-на вѣкъ порабощенъ.

Ахъ, я въ любви своей неволенъ.
Межъ нами—ласковый союзъ.
Но ты не знаешь, что я боленъ,
Безумно боленъ... и таюсь.

II.

ОДНИ.

Дай мнѣ успокоиться на твоей груди.
Холодно и сумрачно, тревожно впереди.

Я боюсь тревожностей, не хочу чудесъ.
Отойдемъ отъ времени въ непроглядный лѣсъ.

Въ лѣсъ, гдѣ сосны строгія, прямыя какъ свѣча,
Сосны, что не впустятъ къ намъ дрожащаго луча.

Сумракъ. Одиночество. Забвенье бытія,
Иглы, иглы мертвыя, и мхи, и ты, да я..

Люди не ходите къ намъ, мы въ замкѣ полутьмы.
Въ замкѣ недоступномъ вамъ, и ужъ не люди мы.

Тѣни мы дрожащія умершаго луча
Межъ сѣдыми соснами, прямыми какъ свѣча.

III.

Въ лепестковомъ раю.

Раздвигая напоромъ дѣвической груди
Шелестящую, тѣсную рожь,
Къ озаренному ль счастью изумрудныхъ безлюдій
Ты меня за собою ведешь?

Или, впивши всю нѣгу голубого простора,
Безпредѣльностей свѣтлую мощь,
Ты введешь меня въ сумракъ бездыханнаго бора
И въ шептанія шелестныхъ рощъ?

Я иду вдоль тропинокъ непримѣтныхъ и гибкихъ,
Вижу тонкую спину твою,—
И тону и въ мечтахъ, и въ предчувствіяхъ зыбкихъ,
И въ твоемъ лепестковомъ раю.

Я погибну ли здѣсь средь росистости пьяной
Поцѣлуемъ загрезившихъ травъ,
Въ ликованіяхъ зорь, голубой и багряной,
Въ тихой радости дѣтскихъ забавъ?

Иль, очнувшись на кряжѣ своихъ одиночествъ
Отъ твоихъ лепестковыхъ блаженствъ,
Буду снова молиться подъ клики пророчествъ,
Безпредѣльному сну совершенствъ?

Ты идешь, вся прямая какъ поднявшійся колосъ,
Ты не вѣдала бурь бытія.
Никогда не томилась. Никогда не боролась.
Никогда не грѣшила. А я?

О, дитя, о, не знай этихъ бурь безпредѣльныхъ.
Отзвучавшія рѣчи забудь.—
О, дитя, колокольчикъ полей колыбельныхъ,
Неужели сошелся нашъ путь?

IV.

НЕЛЬЗЯ ПРОСТИТЬ.

Тогда, когда тебя я встрѣтилъ,
Дрожа ты мнѣ сама открыла
Все то безумное, что было,
Что было прежде, до меня.
Ты помнишь, вѣдь, что я отвѣтилъ?
Я думалъ, что простить возможно.
О, какъ безмѣрно, какъ тревожно
Я полюбилъ съ того же дня!

О, какъ я вѣрилъ въ непорочность,
Хотя-бъ души твоей, дрожавшей,
Души твоей, къ моей припавшей.
Все мнѣ отдавшей, полюбя.
Но нѣтъ, я вижу всю непрочность
Любви, которой я повѣрилъ.
Я всѣ возможности измѣрилъ —
И отрываюсь отъ тебя!

Не знаю я, какъ это было.
Быть можетъ, долго ты боролась.
Или склонилась, точно колосъ,
Или упала, какъ звѣзда.
Но нѣтъ во мнѣ ни грезъ, ни силы.
Я не могу быть оскорбленнымъ,
Такъ оскорбленнымъ, такъ казненнымъ
Тобой, невѣрная, всегда.

Ахъ, сердце этого боялось.
Уже давно въ бреду пророчествъ
Я видѣлъ ужасъ одиночествъ,
Сознаній рѣжущую нить.
Скажи, зачѣмъ ты не дождалась.
Ужель ты не могла предвидѣть,
Что это, вѣдь, должно обидѣть,
Что этого нельзя простить?

Быть можетъ, было то весною,
Въ вечерней мглѣ, въ душистомъ мракѣ,
Когда кругомъ вставали маки,
Самовлюбленные цвѣты...
И онъ, мой врагъ, бродилъ съ тобою, —
Была ты, какъ цвѣтокъ дрожащій,
Былъ онъ упорный и томящій,
Манящій тайныя мечты...

Проклятье ласковому бреду,
Проклятье вашему объятью,
Проклятье, вѣчное проклятье
Пусть поразитъ его, губя!
Я позабуду. Я уѣду.
Ахъ, ты не знаешь, какъ я вѣрилъ.
Я всѣ возможности измѣрилъ —
И отрываюсь отъ тебя!

V.

МНѢ ГРУСТНО.

Мнѣ снова грустно. Я не замѣтилъ,
Какъ въ душу вкралась, какъ вкралась грусть.
Я думалъ встрѣтить, и я не встрѣтилъ.
Она не хочетъ. Такъ что же. Пусть.

О ней, невѣрной, о ней обманной,
О ней грустить мнѣ въ больной тоскѣ? —
Въ минуту встрѣчи благоуханной,
Когда дрожала рука въ рукѣ,

Я зналъ, что нѣжность — одно съ порокомъ,
Что грёзъ стыдливыхъ не надо намъ.
И я смѣялся ея упрекамъ,
И я смѣялся своимъ словамъ.

Ихъ было много, меня любившихъ,
Тѣхъ похотливыхъ и теплыхъ тѣлъ,
Меня обвившихъ, меня томившихъ,
Въ комъ счастье, счастье найти хотѣлъ.

Ахъ, съ каждой тотъ же влюбленный шопотъ,
Сознанье власти — пьянящій бредъ...
И тотъ же опытъ, позорный опытъ.
Ихъ было много. Ихъ больше нѣтъ.

На страсть я страстью не разъ отвѣтилъ.
И вотъ я знаю все наизусть.
Мнѣ грустно, грустно. Я не примѣтилъ,
Какъ снова въ душу прокралась грусть.

VI.

УШЕДШІЙ.

Проходите, женщины, проходите мимо.
Не маните ласкамй говорящихъ глазъ.
Чуждо мнѣ, ушедшему, что было такъ любимо.
Проходите мимо. Я не знаю васъ.

Горе всѣмъ связавшимъ довѣрчивое счастье
Съ ласка́ми обманщицъ, съ привѣтами любви!
Полюби безстрастье, свѣтъ и самовластье.
Только въ этомъ счастье. Только такъ живи.

Тѣни говорящія дрожавшихъ и припавшихъ,
Тянетесь вы медленно въ темнѣющую даль.
Было ль, было ль счастіе въ тѣхъ встрѣчахъ отмель-
кавшихъ?
Можетъ быть и было. Теперь—одна печаль.

Въ дебряхъ безпролетныхъ, въ шелестахъ болотныхъ
Ты на вѣкъ погибнешь, если любишь ихъ.
Уходи отъ этихъ ласковыхъ животныхъ,
Ты, что долженъ выковать озаренный стихъ.

Горе всѣмъ припавшимъ къ соблазнамъ и покою,
Горе полюбившимъ привѣтную тюрьму.
Горе всѣмъ связавшимъ свою судьбу съ чужою,
Не понявшимъ счастья всегда быть одному!

VII.

НА ГОРНОМЪ ПУТИ.

На каменногорныхъ откосахъ
Ликующій отблескъ разлитъ.—
Задумчиво поднялъ я посохъ,
Ступилъ на холодный гранитъ.

Открылись мнѣ горные кряжи.
Весь міръ и тревоженъ и новъ,
Съ тѣхъ поръ какъ стою я на стражѣ,
Питомецъ безпечныхъ пировъ!

Ахъ, были и пляски, и дѣвы
На тѣхъ прозвенѣвшихъ пирахъ!
Гитарно-родные напѣвы
Молили остаться въ шатрахъ.

Соблазны ликующихъ рынковъ
Дарили свой красочный бредъ.
Любилъ я и мощь поединковъ,
И пьяное счастье побѣдъ!

И все я сурово отринулъ.
Безжалостно крикнулъ: прости!
Звенящій бокалъ опрокинулъ, —
И вотъ я—на горномъ пути.

Ненужны мнѣ радости пира
И гордаго гордая честь.—
Несу я сознаніе міра,
Боюсь, что не въ силахъ донесть.

Все круче мой путь в безвѣстнѣй,
Весь міръ и тревоженъ и новъ.
За мной мои звонкія пѣсни
Кружатся какъ рой мотыльковъ.

Толпой прихотливо неровной
Онѣ обвѣваютъ меня.
Онѣ напѣваютъ любовно,
Онѣ напѣваютъ, звеня:

— „Идешь ты къ утесистымъ кряжамъ,
Къ сверканіямъ льдистой страны,
Мы людямъ разскажемъ, разскажемъ
Твои затаенные сны,

„Мы будемъ имъ ласковой вѣстью
О путникѣ въ горномъ пути.
Мы будемъ звенящею местью
Для всѣхъ, кто не хочетъ идти!

„Когда же къ утесистымъ кряжамъ
Дойдешь ты въ упорной борьбѣ,
Мы людямъ разскажемъ, разскажемъ,
Разскажемъ имъ все о тебѣ".

VIII.

ВЪ КЕЛЬѢ.

Упорный дождь. Пригнулись сосны
И стонутъ тонкіе стволы.
И меркнетъ міръ, глухой и косный,
Въ захватахъ властвующей мглы.

Упорный дождь. Но въ тихой кельѣ —
Я — затворенный властелинъ.
И мнѣ покорствуетъ веселье
Моихъ разсудочныхъ глубинъ.

Я міръ эфировъ темносиній
И неожиданныхъ зарницъ,—
Презрѣлъ для вычерченныхъ линій,
Умомъ означенныхъ границъ...

Я не пойду въ поля и рощи,
Пригнуться къ шелестамъ травы,
Пить безпредѣльность свѣтлой мощи,
Пить ликованья синевы.

И темный Городъ, гулкій Городъ
Я также вольно превозмогъ,
Гдѣ міръ разорванъ и распоротъ
Зіяньемъ криковъ и тревогъ.

Не блескъ послушныхъ механизмовъ,
Не мягкій шелестъ темныхъ рощъ,—
Но цѣпь упругихъ силлогизмовъ,
Ума отчетливая мощь,

Ума упорныя усилья
И озаренія минутъ—
Мои восторги и воскрылья,
Меня смущеннаго влекутъ!..

И вотъ, въ мерцаньи тихихъ келій,
Подъ мглой затянутыхъ небесъ,
Я— бражникъ, жаждущій веселій!
Я—схимникъ, жаждущій чудесъ!

IX.

БЕЗЗАКОННИКЪ.

Пусть врывается вѣтеръ, бушующій, сильный,
Пусть врывается вѣтеръ въ окно!
Пусть врывается вѣтеръ сюда, гдѣ могильно
И какъ въ затхлой пещерѣ темно.

Я—унылый пещерникъ, а теперь беззаконникъ, —
Погрязалъ въ созерцательномъ снѣ.—
Я кричу, я на влажный вскочилъ подоконникъ:
Пусть врывается вѣтеръ ко мнѣ!..

Проходилъ я безбрежность тревожныхъ сознаній,
Я сознанья сплеталъ, сочеталъ безъ конца,
И въ бреду погруженій безъ просвѣтовъ и граней
Былъ хаосъ искаженій души и лица.

О, я вѣдалъ вбиранье соблазновъ и бредовъ,
О, я вѣдалъ впиванье вѣщающихъ книгъ.
Потаенность внѣмірныхъ обходовъ извѣдавъ,
Я къ тревожности жуткихъ сознаній приникъ...

И теперь не хочу, не хочу сознаваній.
Снова міръ упоительно-новъ.
Я хочу быть свободнымъ для криковъ, для браней
И для солнечныхъ-яркихъ пировъ!

Я отброшу, смѣясь, власяницу изъ вервій,
Ужасъ книжныхъ, наваленныхъ грудъ,
Подъ которыми тихо шевелятся черви,
Соработники злобныхъ минутъ.

Вѣтеръ, вѣявшій викингамъ, дружный варягамъ,
Направлявшій всѣмъ смѣлымъ ладью,
Эти тучи идутъ неувѣреннымъ шагомъ.—
Дай имъ силу свою!

О, какое блаженство въ полетныхъ скитаньяхъ,
Отъ планетъ до планетъ средь безмѣрныхъ пространствъ.
Въ роковыхъ бушеваньяхъ, въ опьяненныхъ свистаньяхъ
И въ срываньяхъ враждебныхъ убранствъ!

Вѣтеръ! Вѣтеръ! Мой вождь и союзникъ,
Вѣтеръ вольныхъ сторонъ!
Я теперь беззаконникъ, я не узникъ, не узникъ.
Я свободѣ опять возвращенъ!

X.

ТРИ ДНЯ.

Und missriethet ihr selber,
missieth darum der Mensch?
Nietzsche.

Пою предсмертные напѣвы
И дни послѣдніе живу.
И васъ, смѣющіяся дѣвы,
На пиръ торжественный зову!

— И умереть то безъ гримасъ ты
Не можешь, богохульный шутъ! —
О, женщины, которымъ часто,
Вслѣдъ убѣгающихъ минутъ,
Я до конца давалъ всю душу,
Ужель не кажется и вамъ,
Что смертью я своей нарушу
Завѣты, данные мірамъ?..

Три дня мы будемъ править пляски
Вслѣдъ убѣгающихъ минутъ. —
Какія варварскія маски!
Какой безчинствующій блудъ!
Въ сплетеньяхъ жутко-незнакомыхъ
Зажжемъ мы чадные костры —
И грянутъ въ царственныхъ хоромахъ
Мои предсмертные пиры!
И я, приговоренный къ смерти,
Скажу властительную рѣчь:
Не надо тлѣть, о, вѣрьте! вѣрьте!
Но разомъ своевольно сжечь

Все, что судьба намъ даровала,
Въ три дня все сжечь, все сжечь до тла
Подъ визги дѣвъ, подъ шумъ бокала,
Подъ звонъ разбитаго стекла!

Три дня продолжатся бесѣды
И изступленные пиры.—
Какъ ярки будутъ наши бреды!
Какъ жарки чадные костры!

—И умереть то безъ гримасъ ты
Не можешь, богохульный шутъ!—
О, женщины, которымъ часто,
Вслѣдъ убѣгающихъ минутъ,
Все отдавалъ я, вѣрьте! вѣрьте!
Я гордъ еще и я живу,
Когда на пиръ, на праздникъ Смерти
Я васъ торжественно зову!

XI.

КЪ БОГУ.

Богъ! Всемогущій Богъ!
Я здѣсь трусливый и безсильный:
Лежу, припавъ на камень пыльный,
Въ безсмѣнномъ ужасѣ тревогъ.—
Богъ! Всемогущій Богъ!

Я прибѣжалъ къ Тебѣ, невѣрный,
Чтобы въ отчаяньи упасть,
Когда почуялъ, Непомѣрный,
Твою губительную власть.

Среди разнообразныхъ шумовъ,
Служа угодливой судьбѣ,
Метался долго я, не думавъ
Въ своемъ безумьи о Тебѣ.

И вотъ теперь несу я, мерзкій,
Тебѣ позоръ своихъ скорбей.
О, какъ я могъ, слѣпой и дерзкій,
Идти безъ помощи Твоей!

Смотри, я грудь свою раскрою—
Ты—Справедливый, и рази.
Я здѣсь лежу передъ Тобою
И въ униженьи, и въ грязи...

Но Ты услышишь вопль постыдный
И Ты отвѣтишь на него...
Или меня совсѣмъ не видно
Оттуда, съ трона Твоего...

Царь! Лучезарный Царь!
Услышь же крики и моленья.
Смотри, въ какомъ я униженьи,—
Продажно-ласковая тварь...
Царь! Лучезарный Царь!

VI.

ОСТРОВЪ РУСАЛОКЪ.

I.

ОСТРОВЪ РУСАЛОКЪ.

Alfred Tennyssonn.

Мы видѣли островъ русалокъ надъ пурпурной, надъ бурной волной.
—„Приди же, приди, мой желанный!“ несказанной рыдая мольбой,
Срывалось, томя, опьяняя, съ пріотворенныхъ, жаждущихъ губъ.
Русалка, какъ небо нагая, пробиралась на черный уступъ.
Другія висѣли и бились межъ зигзаговъ обрывной скалы.
И въ пляскѣ пьянящей кружились, словно чайки морскія бѣлы.
Прибои звеня разбивались объ ихъ бедра и бѣлую грудь.
—„Мы всѣ здѣсь погибнемъ!“, воскликнувъ, я въ обратный направился путь.

1903. 1 августъ.

II.

ТЫ—РУСАЛКА.

Ты—русалка, русалка, я знаю давно,
Я въ глазахъ у тебя увидалъ
Въ глубинѣ, гдѣ темно, моря скрытое дно
И волны набѣгающій валъ.

Я не даромъ видалъ, какъ изъ темныхъ волосъ
Выбирала обрывки ты травъ.
Въ нихъ узорчатыхъ раковинъ много вплелось,
Къ кольцамъ косъ твоихъ страстно припавъ...

Оттого-то въ тебѣ все капризный порывъ
И желанья твои такъ вольны,
Оттого-то твой смѣхъ такъ пѣвучъ и красивъ,
Точно плескъ разсѣченной волны...

Ты—русалка, ты моря коварная дочь—
Я недаромъ тебя стерегу,
Весь дрожа, чуть дыша ужъ не первую ночь,
Стерегу на морскомъ берегу.

Я видалъ, ты плескаясь плыла между скалъ,
Озаренная блескомъ ночнымъ,
И мечтательный мѣсяцъ влюбленно дрожалъ,
И улыбкой мѣнялась ты съ нимъ.

Я видалъ, какъ вчера заблудившійся челнъ
Ты схватила, неслышно приплывъ,
И смѣясь отдала его прихотямъ волнъ,
И разбилъ его бурный приливъ.

Какъ обманные ты зажигала огни,
Тамъ, гдѣ бездна чернѣй и страшнѣй.
Шли туда корабли и погибли они,
Подъ ударами острыхъ камней,

Какъ манила прохожихъ призывами глазъ,
Содраганьемъ порывистыхъ плечъ,
Чтобъ затѣмъ за собою въ полуночный часъ
Ихъ въ пучину морскую увлечь.

Чтобы тамъ ихъ ласкать, чтобы тамъ ихъ терзать,
Погубить, утопить, задушить,
Чтобы лунною полночью выплыть опять,
Чтобы снова прохожихъ манить...

Ты меня не зови, ты меня не мани:
Безъ того я пойду за тобой.
Переливчатымъ смѣхомъ побѣдно звени!
О, русалка, русалка, я твой!

Я пойду за тобой въ глуби темныхъ морей—
Не боюсь я подводной глуши.
Если хочешь убей меня лаской своей.
Истерзай, утопи, задуши!

О, коварнаго моря коварная дочь,
О, русалка съ блестящей косой,
Я теперь уже твой, ибо въ эту же ночь
Я пойду, я пойду за тобой!

1902. Іюль.

III.

ЗОВЪ РУСАЛКИ.

Georg Bachmann.

Русалка поетъ: приди, приди,
Все забудь и приди отдохнуть на груди.
О, навѣки забудь, навсегда удали
Упоенья, волненья и грезы земли.

Здѣсь такъ сладко скользить въ перебояхъ волны,
Здѣсь въ жемчужныхъ покояхъ—жемчужные сны.
Обжигающій лучъ не проникнетъ сюда,
Не проникнетъ сюда, никогда.

О, ты мой навсегда! О, приди же ко мнѣ!
Гаснетъ день въ вышинѣ, видишь, тѣнь на волнѣ.
Всю ночь мы будемъ другъ друга ласкать,
Будутъ губы мои... обжигать.
Эти губы блѣдны, эти губы какъ ледъ,
Оттого поцѣлуй ихъ пронзаетъ и жжетъ..
На влажныхъ грудяхъ, опьяненъ, ты уснешь.
О, оставь же свой страхъ, ты—какъ мѣсяцъ хорошъ!
Ты уснешь, ты уснешь, вѣтеръ сдержитъ волну.
О, иди же ко мнѣ! Въ глубину!

1903. Іюнь.

IV.

ИСКУШЕНІЕ.

Мнѣ не хочется больше идти.
Не взманитъ меня ласковость грезъ,
Каменисто—невѣрны пути.
Неприступенъ и страшенъ утесъ.

Я усталъ. Я упалъ. Я увязъ
Въ обжигающемъ мягкомъ пескѣ.
Хорошо въ вечерѣющій часъ
Ото всѣхъ вдалекѣ, на рѣкѣ,

О, владычица дремлющихъ мѣстъ,
Чья сквозящая грудь надъ волной,
Изо всѣхъ чаровницъ и невѣстъ,
Я останусь съ тобою одной.

Я останусь навѣки съ тобой.
Я зароюсь въ шуршащій камышъ.
Полюблю серебристый покой,
Озаренно-затонную тишь.

Ты давно уже нравишься мнѣ,
И къ тебѣ-бъ мнѣ хотѣлось прильнуть,
Какъ волна приникаетъ къ волнѣ,
Прожигая жемчужную грудь...

Тихо все на ночномъ берегу.
Шелеститъ, заплетаясь, камышъ.
Что то ласково ты говоришь
И томишь. Я идти не могу.

1903. Іюнь.

V.

ПРАЗДНИКЪ ВЪ МОРѢ.

Русалка, сегодня зажги огни
Въ подводномъ царствѣ твоемъ,
Пусть ярко играютъ, сверкаютъ они
Зеленымъ и краснымъ лучомъ.

Пусть призывно и сладко шуршатъ камыши,
Сливаясь въ тихой мольбѣ.
Сегодня праздникъ въ подводной глуши,
Сегодня приду я къ тебѣ.

Вереницами раковинъ все перевей,
Развѣй золотистый песокъ,
Собери ожерелья бродячихъ огней,
Убери пышнѣй чертогъ.

Я хочу, чтобъ подводный, таинственный міръ
Весь сверкалъ, какъ мечты волшебство,
Потому что сегодня справляю я пиръ,—
Сегодня тамъ торжество!

Потому что справляю я свадьбу съ тобой,
Съ русалкой, съ царицей водъ.
И на брачный нашъ пиръ, на пиръ ночной
Весь міръ подземный придетъ.

Со всѣхъ морей придутъ гонцы
Встрѣчать меня, царя,
И намъ принесутъ съ тобой вѣнцы
Изъ жемчуга, изъ янтаря.

Тамъ будетъ властитель пучины морской,
Всѣ вулканы подвластны ему,—
Они гулко пробьютъ намъ привѣтственный бой
И освѣтятъ подземную тьму.

Въ глуши, ихъ кровавымъ облитой лучомъ,
Въ монотонномъ сліяніи водъ,
Русалки, сплетаясь согласнымъ кольцомъ,
Будутъ пѣть и вести хороводъ.

Ликовать должно озаренное дно.
Удивить хочу я весь міръ!
Долго море о томъ будетъ слухомъ полно,
Какъ справляли мы свадебный пиръ.

Русалка, скорѣй зажги огни.
Пускай, къ восторгамъ маня,
Сверкаютъ они, играютъ они.
Сегодня жди меня!

1902. Октябрь.

VI.

НОЧЬ ВЪ МОРѢ.

Всю ночь русалка билась,
Не въ силахъ сновъ превозмочь.
А въ море тихо катилась
Въ золотой колесницѣ ночь.

Русалка во снѣ кричала,
Хватала рукой камыши.
Но все угрюмо спало
Въ застывшей и темной тиши.

И я съ высокаго ложа
Не разъ ее окликалъ.
Провалы глядѣли все строже.
Бушевалъ играющій валъ.

И я вставалъ съ испугомъ,
Зажигалъ золотые огни.
Расплываясь свѣтящимся кругомъ,
Жутко мерцали они.

Озаряли чудесъ такъ много,
Что глядѣть я дерзалъ едва.
Шепталась глухо и строго,
Колыхалась морская трава.

Я стоялъ предъ высокимъ ложемъ.
На немъ томилась она.
Стоялъ, тоской тревожимъ.
Кругомъ—была тишина.

Я раздвинулъ цѣпкіе прутья,
Что надъ ней сплетались въ кольцо.
И ей припалъ на грудь я,
Цѣловалъ ея лицо.

Цѣловалъ ея блѣдныя плечи,
Волоса, что съ травой сплелись.
Говорилъ тревожныя рѣчи,
Шепталъ: „проснись, проснись"...

Ее разбудило пламя,
Моя рѣчь, мой встревоженный стонъ,
Она закрылась руками
И опять погрузилась въ сонъ...

Я легъ, но въ тревожной мукѣ
Провелъ всю ночь безъ сна.
И слушалъ смутные звуки,
Которыми ночь полна.

Кто-то бился въ подземныхъ норахъ.
Вверху ворчала волна.
Былъ внятенъ весь смутный шорохъ,
Которымъ ночь полна.

1902. Октябрь.

VII.

ПОМНИШЬ, У МОРЯ...

Помнишь, у моря—волны рычали,
Какъ тигръ кидался и прыгалъ прибой.
Ты была холодна, ты была, какъ изъ стали.
Я въ море рвался за тобой.

На долгіе зовы по спинамъ прибоя
Приплыла ты ко мнѣ, приплыла лишь на мигъ.
И къ ногамъ твоимъ бѣлымъ, перевитымъ травою,
Я губами съ мольбою приникъ.

Я молилъ не губить, но любить какъ и прежде.
Я ловилъ твой померкнувшій взоръ.
Я просилъ о любви, я молилъ о надеждѣ...
О, позоръ!

Но, разсѣяннымъ взоромъ глядя безучастно,
Ты внимала разсѣянно мнѣ,
Ты сидѣла надъ моремъ, сидѣла безстрастно,
Купая ноги въ волнѣ.

И ровныя, мѣрныя волны катились,
Уныло стремясь къ берегамъ,
И стремились, и бились, и притворно молились,
Припадая къ твоимъ ногамъ.

Вдругъ валъ налетѣлъ, нежданно громадный,
Обрызнулъ темный утесъ,
И схвативъ тебя, поспѣшный и жадный,
Въ шумящую бездну унесъ.

И ты долго бѣлѣлась въ дымящейся дали,
Я долго рвался за тобой...
Сердито и глухо волны рычали,
Да въ корчахъ прыгалъ прибой.

1903. Февраль.

VIII.

Опять.

Сегодня ночью опять ты ко мнѣ приходила.
Говорила, смѣялась, манила бѣлой рукой.
Пойми, наконецъ, что больше нѣтъ силы, нѣтъ силы!—
А могу-ль я пойти за тобой?

О, твой голосъ такъ вкрадчивъ, такъ нѣженъ, такъ
страстенъ,
А твой смѣхъ такъ пѣвучъ.
Пойми, что я боленъ, надъ собой я не воленъ, не
властенъ.
Русалка! не мучь.

О, какъ вся ты смѣялась, извивалась, мѣнялась,
Какъ свѣтлое вино переливалась рѣчь.
И ты, лучистая, ко мнѣ ты наклонялась,
Маня на грудь прилечь.

Маня отдаться нѣгѣ тонкихъ очертаній,
Повѣрить мглѣ прерывистыхъ рѣчей,
Упиться тайнами пронзающихъ лобзаній,
Обманомъ вкрадчивыхъ очей.

Шептала ты:—„тебя я зацѣлую,
Я буду вся твоя, сольюсь, сплетусь съ тобой навѣкъ.
Русалка я, но вѣрь, тебя люблю я,
О, недовѣрчивый, лукавый человѣкъ!“

Пойми же, наконецъ, я надъ собой не властенъ,
А этотъ смѣхъ твой такъ пѣвучъ...
Такъ ласковъ онъ, такъ вкрадчивъ онъ, такъ страстенъ!..
О, отойди! не мучь!

Зачѣмъ опять ко мнѣ ты приходила?
Зачѣмъ призывный взглядъ? и нѣжность? и лучи?
Обманы словъ кричатъ въ душѣ унылой.
Не мучь. Молчи.

1903. Февраль.

IX.

НАВОЖДЕНІЕ.

Баллада.

Мѣсяцъ выдвинулся, мѣсяцъ надъ рѣкою закивалъ.
У русалокъ нынче пѣнье, у русалокъ нынче балъ.
Оттого прозрачно свѣтитъ оживающая тишь,
Оттого къ водѣ пригнулся любознательный камышъ.

Мы съ тобой ихъ не встревожимъ, тихо двигая ладью,
Мы съ тобой ихъ видѣть можемъ черезъ свѣтлую струю,
Мы посмотримъ къ нимъ, какъ смотритъ любознательный камышъ
И мы будемъ вмѣстѣ, вмѣстѣ,—отчего же ты молчишь?

Ты боишься этихъ сосенъ на неровномъ берегу,
Близъ которыхъ мы проходимъ въ засвѣтившемся кругу.
Сосенъ страшныхъ и косматыхъ, точно въ черной бородѣ,
Наклоненныхъ, обагренныхъ, подступающихъ къ водѣ.

Отойдемъ отъ этихъ сосенъ съ бородами мертвеца.
Знаешь, мнѣ лишь смутно виденъ обликъ твоего лица.
Ты сама едва видна мнѣ, опираясь на корму.—
Знаешь, страшно, знаешь, страшно въ этотъ часъ быть одному...

А теперь подъ лодкой пѣнье улыбающихся устъ.
Закачался, зашатался надъ водою темный кустъ.
Струйки радостно забились тамъ, гдѣ было все мертво.
То русалки уцѣпились тѣломъ цѣпкимъ за него.

Знаешь, въ юности когда то я одну изъ нихъ любилъ.
И на дно, на дно морское я за ней не разъ ходилъ.
Тѣло все ея свѣтилось влажно, какъ твоя слеза.
Прямо въ душу проникали мнѣ зеленые глаза.

Знаешь вечеромъ ходилъ я къ ней на берегъ, въ тростники.
И лукавая являлась непримѣтно у рѣки.
Обхвативъ меня руками, закрывала мнѣ глаза
И куда то увлекала, гдѣ повсюду бирюза.

Знаешь, мѣсяцъ у нихъ больше и краснѣй во много разъ.
И у нихъ онъ не заходитъ, какъ заходитъ онъ у насъ.
А онѣ тому не вѣрятъ, я не знаю, почему.
И онѣ всему смѣются и не вѣрятъ ничему...

Ты не слышишь, ты не смотришь, отчего ты всё молчишь?
Какъ угрюма этихъ сосенъ обступающая тишь.
Мѣсяцъ—красный и безумный, какъ пылающая мѣдь.
Сядь поближе, чтобы въ очи могъ тебѣ я посмотрѣть.

Мнѣ тебя совсѣмъ не видно сквозь сгустившуюся тьму.
Весла точно прирастаютъ, веселъ я не подниму.
Лодка стала неподвижно, точно врѣзалась въ гранитъ,
За кустами кто то дико оглушительно кричитъ.

Знаешь, страшно, знаешь, страшно въ этотъ часъ
быть одному.
Ты теперь едва видна мнѣ, опираясь на корму.
Мѣсяцъ сдѣлался краснѣе раскаленнаго угля.
Сосны, сосны подступаютъ, бородами шевеля.

Разгорается и меркнетъ въ вóлнахъ лунное кольцо.
Знаешь, у тебя чужое, не твое совсѣмъ лицо.
Я узнать тебя не въ силахъ, ты другая, ты не ты.
Это дикое видѣнье. Это чуждыя черты.

Это бредъ и наважденье, черныхъ сосенъ заговоръ.
Но отъ сосенъ мы спасемся въ поле, въ поле, на
просторъ!
Мѣсяцъ пламеннымъ пожаромъ изступленно запылалъ.
О, проклятая, уйди ты! Горе, я тебя узналъ!

Ты опять ко мнѣ вернулась въ этотъ праздникъ, въ
эту ночь,
Чтобы вновь меня заставить безнадежно изнемочь.
Прямо въ душу проникаетъ мнѣ ласкающійся взоръ.
Я безпомощенъ, какъ прежде. О, проклятье и позоръ!

Сосны тѣсно подступаютъ, наклоняются къ водѣ.
Мы погибнемъ, мы повиснемъ въ ихъ косматой бородѣ.
Возникаетъ, потухаетъ оживающая тишь.
Надъ водою протянулся любознательный камышъ.

Серебряный Боръ. 1904. 8 Іюль.

———

I.

ПРИРОДА.

ИСКУСЪ.

I.

ПѢСНЯ КЪ ЛУГУ.

Лугъ золотистый,
Сонный и влажный,
Тихій, лучистый,
Какъ пѣсня протяжный,
Ты все такой-же,
Какъ былъ и въ раю.
О, успокой-же
Душу мою!

Сотни вѣковъ изступленною бурей
Міръ сотрясали —и что-жъ?
Свѣтлое царство прозрачной лазури.
Царство лазури все то-жъ.
Также надъ міромъ дрожатъ аметисты,
Никто ихъ въ корону не вплелъ королю.
Символъ безбурности,—лугъ золотистый,
Влажно-лучистый, тебя я люблю.

Утромъ весь дышащій, сонный и свѣжій,
Нѣжно на солнцѣ блестя,
Съ спускомъ зеленымъ зеленыхъ прибрежій
Ты радостенъ, словно дитя.
Взорами ясными бѣлыхъ кувшинокъ,
Смѣясь, ты на солнце глядишь,
Сколько росинокъ, сколько слезинокъ
Снова ему подаришь!

По полдень становится душенъ,
Пьянитъ тревожною мечтой.
Какъ прежде ты солнцу послушенъ,
Днемъ золотымъ—золотой.
Лежу, созерцая безбрежность,
Едва пріоткрывши глаза.
Весь міръ—бирюзовая нѣжность.
Весь міръ—одна бирюза.

Вечеромъ тихимъ ты спѣлый и желтый
Съ огненно-красной каймой.
Вечеръ, какъ радъ я, что снова пришелъ ты,
Ласковый вечеръ, ты мой.
Вотъ я, какъ слабый, поникнувшій колосъ,
Больше борьбы не приму.
Сердце устало, сердце боролось.
Надо заснуть и ему.

Ночью ты блѣдный, дымчато-сизый.
Надъ тобою колдуетъ туманъ.
Бѣлыя, влажныя ризы
Протянулись отъ западныхъ странъ.
Но снова настанетъ разсвѣтъ блѣдно алый,
Онъ будетъ такой-же, какъ былъ и въ раю.
Душа еле дышитъ, устала, устала,
Лугъ, успокой-же душу мою!

1906.

II.

ВЕСНѢ.

Весна, приди, не медля болѣ,—
Мое унынье глубоко,—
Моей усталой тихой боли
Коснись ласкающе-легко.
Я изнемогъ отъ думъ безсильныхъ,
Отъ изступленія въ борьбѣ,
Какъ узникъ изъ глубинъ могильныхъ,
Тянусь я съ трепетомъ къ тебѣ.
Природы грустный отщепенецъ,
Возславившій свободный умъ,
Я жалкій плѣнникъ жалкихъ плѣнницъ—
На вѣкъ порабощенныхъ думъ...
О, если-бъ быть опять ребенкомъ,
Не думать горько ни о чемъ,
Тонуть въ сіяньи нѣжно-тонкомъ
Подъ воскрешающимъ лучомъ.
Чтобъ, заглушивъ мятежъ сознанья,
Приникнуть къ шелестамъ травы,
Впивая тихое сіянье
Непостижимой синевы.

1908.

III.

АПРѢЛЬ.

Душа, живи какъ все въ природѣ,
Люби невѣдомую цѣль.
Смотри на синемъ небосводѣ
Опять зацарствовалъ апрѣль.

Все опьянилось тонкимъ хмѣлемъ—
И свѣтъ, и воздухъ, и глаза.
Все дышитъ радостнымъ апрѣлемъ,
Во все проникла бирюза.

Все вѣритъ: чудо совершится,
Воскреснетъ жизнь — и въ этомъ цѣль.
Міръ лучезарно возродится,—
Вѣдь снова царствуетъ апрѣль.

Лишь ты одна во всей вселенной,
Весну сознаньемъ заглуша,
Не можешь быть свѣтло-блаженной,
Порабощенная душа.

О, будь какъ все, вернись къ природѣ,
Сознаній бремя удали,
Прильни къ лучамъ на небосводѣ
И къ вешнимъ трепетамъ земли.

И чудо жизни совершится —
Воскреснешь ты—и въ этомъ цѣль.
Міръ лучезарно озарится, —
Вѣдь снова царствуетъ апрѣль.

1908.

IV.

ВЕСЕННІЯ ГРЕЗЫ.

Стало небо совсѣмъ бирюзовымъ.
Безконечна его глубина.
Стала звать завлекающимъ зовомъ.
Стала въ душу проситься весна.

Лепесточки блаженно замлѣли.
Весь взволнованъ и радостенъ лѣсъ.
Полюбилъ я скитанья безъ цѣли.
Ожиданіе свѣтлыхъ чудесъ.

Разбросали песокъ по дорожкамъ.
Золотистый—еще не измятъ.
Ты сидѣла опять подъ окошкомъ.
Я поймалъ провожающій взглядъ.

Ты лелѣяла сонныя грезы,
Довѣрялась лучистой веснѣ.
Точно призракъ мерцали березы.
Выдѣляясь на бѣлой стѣнѣ.

Я ушелъ по хрустящей дорожкѣ.
И твой взглядъ протянулся за мной.
Ты весь вечеръ сидѣла въ окошкѣ
И весь вечеръ дышала весной.

Ты весь вечеръ мечтала неясно,
И былъ влаженъ твой взоръ и глубокъ.
Улыбаясь, глядѣла на красный,
Нерастоптанный, крупный песокъ.

А вокругъ загоралась безбрежность,
И казались такъ полны чудесъ—
Бирюзовая, тихая нѣжность
И блаженно-взволнованный лѣсъ.

1905.

V.

ВЕСНОЮ.

Чу, запахло весной,
Воздухъ нѣженъ и тихъ,
Міръ какъ слабый больной,
Въ ожиданьи затихъ.

Міръ измученъ въ плѣну
Безпощадныхъ снѣговъ.
Жаждетъ встрѣтить весну
Съ голубыхъ береговъ.

Жаждетъ нѣжной весны
Съ хороводомъ чудесъ,
Голубой глубины
Лучезарныхъ небесъ.

Подъ напоромъ дождей
Задрожавшихъ кустовъ,
И улыбокъ людей,
И улыбокъ цвѣтовъ.

Міръ блаженно притихъ,
Какъ усталый больной,
Воздухъ ласково-тихъ—
Чу, запахло весной.

1908.

VI.

РАДОСТЬ ВЕСНЫ.

Весной я радуюсь всѣмъ звукамъ,
Что мнѣ доносятся въ окно.
Съ воскресшимъ гуломъ, съ вешнимъ стукомъ
Такъ много въ жизни сплетено.

Предавшись сладостнымъ мечтаньямъ,
Гляжу съ восторгомъ въ вышину.
Легко скользитъ по бѣлымъ зданьямъ
Лучъ, воскрешающій весну.

Сверкаютъ окна яркимъ блескомъ,
Расцвѣчены обломки льда,—
Изъ желобовъ съ веселымъ трескомъ
Тѣснитъ ихъ вешняя вода.

На площадяхъ, уже растаявъ,
Въ ручьи сбѣжался вешній снѣгъ.
Какъ снова бодръ и звонъ трамваевъ,
И окрылившійся ихъ бѣгъ!

Подъ грузнымъ колесомъ пролетокъ
Какъ веселъ лужи звонкій всплескъ.
Крестовъ, карнизовъ и рѣшетокъ
Вновь возродился жаръ и блескъ!

Все возродилось, все лучисто,
Все вешнимъ днемъ восхищено,
Врываясь съ радостью искристой
Въ мое раскрытое окно.

1908.

VII.

ЗНОЙ.

Вы встали поздно. Не хотѣлось.
Томила сладостная лѣнь.
Хоть солнце въ окна къ вамъ глядѣлось,
И ликовалъ лучистый день.

Казалось жарко, очень жарко.
Куда пойти въ томящій зной—
Въ тѣнистость шепчущаго парка
Или на камни надъ волной?

Весь раскаленъ навѣсъ балконный.
Отъ солнца щурятся глаза.
Предъ вами шелестно и сонно
Катится моря бирюза.

Или спуститься въ садъ фруктовый
Смотрѣть расцвѣтовъ красоту?—
Зеленый, розовый, лиловый,
Онъ весь въ ликующемъ цвѣту...

Вотъ осторожный шагъ нащупалъ
Одну тропинку вдоль травы.
Безбрежна высь. Безбреженъ куполъ
Глубокой, мягкой синевы.

Все море нѣжно-бирюзово,
Какъ бы закутано въ фату.
Лучистъ и зеленъ садъ фруктовый.
Ахъ, садъ фруктовый весь въ цвѣту!

Вы тихо сѣли на скамейкѣ.
На ней отъ солнца горячо,
Листочекъ ласковый и клейкій
Дрожа упалъ вамъ на плечо.

Кусты оливъ и винныхъ ягодъ
Создали призракъ темноты...
Вотъ-вотъ бѣгутъ и снова лягутъ
Прибоя бѣлые хребты.

И грезы съ шепчущею лаской
Прибоемъ вкрадчивымъ бѣгутъ,
Становятся лучистой сказкой
Безумно-сладостныхъ минутъ.

Ахъ, эта сказка—снова, снова
Вы ей отдали всю мечту.
Ей чутко внемлетъ садъ фруктовый
Въ своемъ ликующемъ цвѣту.

1905.

VIII.

ВЕЧЕРНЯЯ ПѢСНЯ.

I.

Ужъ солнце тихо поникаетъ,
Стволы деревьевъ золотя,
Лучами рѣку разсѣкаетъ,
Въ немъ отражаясь и блестя.

Закатъ огнистъ, лучисто-красенъ.
Земля лелѣетъ свой покой.
И какъ-то безконечно-ясенъ
Вечерній воздухъ надъ рѣкой.

Зеленый лугъ—въ коронѣ влажной,
Идетъ туманъ, а вдалекѣ
И заунывно, и протяжно
Пастухъ играетъ на рожкѣ.

За нами тѣнь давно мелькаетъ.
До новыхъ встрѣчъ, мое дитя.
Ужъ солнце тихо поникаетъ,
Стволы деревьевъ золотя.

IX.

ВЕЧЕРНЯЯ ПѢСНЯ.

II.

Прозрачный вечеръ. Тихо стынутъ
Поля, встрѣчающія сонъ.
Въ травѣ зеленой запрокинутъ,
Я снова счастью возвращенъ.

Съ цвѣтами въ радостномъ сосѣдствѣ, —
Я близокъ свѣтлой красотѣ.
Мнѣ кажется, я снова въ дѣтствѣ,
Въ своей предживзненн й мечтѣ...

За нашимъ маленькимъ оконцемъ —
Сіянье солнечныхъ костровъ.
Нашъ день оконченъ вмѣстѣ съ солнцемъ,—
Дитя не знаетъ вечеровъ.

Горятъ и блещутъ стеколъ рамы,
Круги рождая наверху.
Зовутъ унылымъ звонъмъ храмы
Тѣхъ, что повѣрили грѣху.

Ложимся тихо мы въ кроватки.
Въ окно глядится небосклонъ.
Неясно-радостны и сладки
Мечты, встрѣчающія сонъ.

Въ нихъ вплетены и стеколъ рамы,
И отраженные круги,
И нашей синеглазой мамы
Легко шуршащіе шаги.

Въ нихъ свѣтлымъ чудомъ перекинутъ
Вечерне-яркій небосклонъ.
И тихо все, и тихо стынутъ
Поля, встрѣчающія сонъ.

1905.

X.

ЗАСНУТЬ.

Лучистое небо безбрежно и сине.
Забыться. Заснуть.
Въ эфирной, въ манящей, въ лазурной пустынѣ
Навѣкъ утонуть.

Березы—какъ грезы: мерцаютъ и дышатъ,
Блаженно дрожатъ.
Заснули,—нѣтъ слышатъ, привѣтно колышутъ
Зеленый нарядъ.

Давно все безмолвно въ притихнувшихъ даляхъ,
Все жаждетъ чудесъ.
Вся жизнь—только въ этихъ лучистыхъ спираляхъ
Безбрежныхъ небесъ.

Давно все безмолвно. Закончились сроки.
И времени нѣтъ.
И все охватилъ, золотой, огнеокій,
Ликующій свѣтъ.

Въ безбрежности тихой, въ безбрежности синей —
Обѣщанный путь.
Забыться, заснуть и въ эфирной пустынѣ
Навѣкъ утонуть.

1905.

XI.

ВЪ УЕДИНЕНЬИ.

Въ высокой комнатѣ съ балкономъ,
Какъ птица въ трепетномъ гнѣздѣ,
Я близокъ только горнымъ склонамъ
И этой ласковой звѣздѣ.

Столичный шумъ—онъ былъ такъ гулокъ.
Какъ грезу въ немъ подстерожу?..
А здѣсь, спускаясь для прогулокъ,
Я словно въ чей-то сонъ вхожу.

Вокругъ меня однѣ равнины,
Ихъ безупречный изумрудъ,
Холмовъ изогнутыя спины
Съ хребтомъ двугорбымъ, какъ верблюдъ..

Я все забылъ, живя на склонахъ,
Въ уединеньи и тиши,
Спускаясь вглубь лѣсовъ зеленыхъ,
Спускаясь вглубь своей души.

Душа и лѣсъ такъ безпредѣльны,
Такъ много тайнъ въ ихъ глубинѣ!
Я радъ, что дни мои безцѣльны,
И счастье грезъ доступно мнѣ.

Мнѣ снится на моемъ балконѣ
Покой качающихся гнѣздъ,
Закатный блескъ на небосклонѣ
И близость ласковая звѣздъ...

1907.

XII.

ВЪ ВОЛНАХЪ КАЧАЯСЬ.

Пурпурный вечеръ. По тихимъ далямъ
Легли сіянья. Прозрачна тѣнь.
Мы вступимъ въ лодку. Легко отчалимъ.
Оставимъ берегъ. Забудемъ день.

Вонзится лодка, какъ будто въ ризу,
Въ струи янтарно-пурпурныхъ волнъ.
Обрывистъ берегъ. Намъ надо книзу.
Тамъ между сосенъ привязанъ челнъ.

Нашъ челнъ спокойный, нашъ челнъ любимый
Скользящій тихо въ нѣмой волнѣ.
Близъ темныхъ сосенъ идущій мимо,
Легко качаясь, какъ въ свѣтломъ снѣ.

Безбрежно счастье нѣмой истомы.
Не надо думать. И можно плыть.
И серебрятся волны изломы.
И въ слѣдъ за лодкой струится нить...

Полюбимъ волны, въ волнахъ качаясь,
Въ дрожащей, въ тихой, въ вечерней мглѣ,
Все удаляясь, не приближаясь
Къ забытой нами, къ чужой землѣ.

Пусть теменъ берегъ, пусть онъ отвѣсенъ,
Пусть жутко-черенъ прибрежный лѣсъ,
Въ душѣ—сіянье блаженныхъ пѣсенъ,
Какъ тихій шопотъ, какъ сонъ принцессъ...

1905.

XIII.

ВЪ ГРОЗУ.

Зловѣще-грозный гулъ грохочущаго треска.
На мигъ открывшійся заоблачный пожаръ.
И ослѣпительность стремительнаго блеска,
И гдѣ-то рѣзкій, впившійся ударъ.
Притихли дѣвушки, чего-то ждутъ пугливо.
Ихъ взглядъ задумчивый печаленъ и глубокъ.
Вотъ снова острый блескъ и желтыхъ тучъ разрывы,
И синимъ пламенемъ охваченный востокъ.
Вотъ снова грозный гулъ, зловѣщъ и жутко-дологъ.
Все изступленнѣй дождь, высоко брызжетъ грязь.
Поднялись дѣвушки, идутъ къ себѣ за пологъ
И Божьей кары ждутъ, задумчиво крестясь.
Повисшихъ ставенъ сорванные болты
О стѣну глухо бьютъ, рыдая и гудя.
Межъ темныхъ тучъ все небо мутно-желто,
И непрерывенъ шумъ тоскливаго дождя.

1905.

XIV.

ПѢСНЯ ОСЕНИ.

Ужъ темно.
О, какъ рано темнѣть теперь стало.
Закрываю окно.
А помнишь,—бывало?

Вечера золотые въ вѣнкахъ изъ рубиновъ.
Нѣга сумерокъ—пѣсня безъ словъ.
Разноцвѣтность пушистыхъ павлиновъ,
Мягкій шелкъ кружевныхъ кринолиновъ.
Силуэты сѣдыхъ исполиновъ
Въ очертаніяхъ сквозныхъ облаковъ.

А теперь
Вѣтеръ скученъ и длиненъ,
Крѣпко замкнута дверь,
И балконъ нашъ пустыненъ.

Вѣтеръ рветъ полотно,
Насыщённое долгимъ дождемъ.
Вотъ совсѣмъ ужъ темно
За окномъ.

Время тянется долго, и оно ужъ ненужно.
Что мнѣ дѣлать, на что мнѣ смотрѣть
Въ этой комнатѣ грустной, при лампѣ недужной,
Готовой сейчасъ умереть?

Были дни огневые, какъ блескъ нестерпимый
Міровыхъ лучезарныхъ ракетъ,
Были яркіе дни, какъ крыло серафима,
Были тихіе дни, какъ прозрачные дымы,
Были нѣжные дни, какъ улыбки любимой, —
А теперь этихъ дней уже нѣтъ!

Наши клумбы въ саду
Искалѣчены, какъ послѣ пытокъ.
Вѣтеръ рветъ на ходу
Лепестки маргаритокъ.

Онъ не знаетъ пощадъ,
Изступленный грабитель.
Плачетъ садъ,
Словно робкихъ монахинь обитель.

Это празднуетъ месть
Кто-то любящій тьму.
Не дано доцвѣсть
Ничему.

1907.

XV.

ОСЕННІЕ ЛИСТЬЯ.

Листья осенніе желтаго клена,
Кружитесь вы надо мной.
Гдѣ-же нарядъ вашъ, нѣжно зеленый,
Вамъ подаренный весной?

Брошены вы, какъ цвѣты послѣ бала,
Какъ послѣ пира вѣнки,
Словно поношенный хламъ карнавала,
Изодранный весь на куски.

Вы отслужили, и вы ужъ ненужны,
Презрѣнный, растоптанный соръ.
Вашъ жаркій багрянецъ, осенне-недужный,
Мой только радуетъ взоръ.

Прахъ позабытый умолкшаго пира,
Гдѣ разрушено все, разлито,
Листья, вы образъ безумнаго міра,
Гдѣ не цѣнно, не вѣчно ничто.

Гдѣ все мгновенно и все — только средство,
Въ цѣпи безумій звено,
Гдѣ и весна, и свѣтлое дѣтство
Гибели обречено.

Листья, вы будите скорбь безъ предѣла
Жаромъ своей желтизны,
Вы для меня вѣдь—любимое тѣло
Такъ рано умершей весны.

Какъ же могу я легко, какъ другіе,
Васъ растоптавши, пройти,
Желтые листья, листья сухіе
На запыленномъ пути?

1907.

XVI.

ТУМАНЪ.

Вотъ опять, точно бѣлыя пчелы,
Налетаютъ пушинки снѣговъ.
Вотъ опять этотъ сумракъ тяжелый
Облѣпилъ вереницы домовъ.

Фонари—точно блѣдныя пятна,
Что сейчасъ вотъ размоетъ туманъ.
Безысходный, сѣдой, необъятный.
Онъ ползетъ изъ невѣдомыхъ странъ.

Онъ повисъ на карнизахъ, на окнахъ,
Онъ спустился по выступамъ стѣнъ.
Ахъ, въ его безпросвѣтныхъ волокнахъ
Безысходный, мучительный плѣнъ.

Облѣпили безумныя пчелы,
Искололи до жалостныхъ слезъ.
Узнаю этотъ сумракъ тяжелый,
Это снова проснулся хаосъ.

Это древняя пѣсня хаоса,
Это истинный ликъ бытія.
Черныхъ стѣнъ уплываютъ утесы,
Уплываю куда-то и я.

Вмѣсто неба—бездонность провала,
Протянувшійся въ вѣчность буранъ.
Все столкнулось, смѣшалось, упало,
Всѣмъ владѣетъ безбрежный туманъ.

Черныхъ стѣнъ въ немъ исчезли утесы,
Въ немъ навѣкъ исчезаю и я.
Это древняя пѣсня хаоса,
Это истинный ликъ бытія.

1908.

XVII.

СНѢЖНАЯ ПѢСНЯ.

Снѣгъ колючій щиплетъ щеки.
Санокъ бѣгъ какъ по стеклу.
Путь желанный, путь далекій,
Увлекаетъ насъ во мглу.

Скоро городъ мы оставимъ,
Городъ шума и огней.
Въ вихри снѣжные направимъ
Бѣгъ стремительныхъ коней.

Дальше, дальше въ мглу метелей,
Гдѣ не видно и огня.
Мимо сосенъ, мимо елей,
Колокольцами звеня!

Ты со мной, и мнѣ такъ сладко,
Ближе къ сердцу прислонись.
По дорогѣ ровной, гладкой
Увлекательно нестись.

Ты со мной въ метеляхъ хлесткихъ.
Вновь тобой любуюсь я,
Вся въ снѣгу ты, вся ты въ блесткахъ,
О, снѣгурочка моя!

Снѣгъ въ бровяхъ и на рѣсницахъ,
Вся ты имъ занесена.
Ярко блещетъ, какъ въ зарницахъ,
Снѣговая пелена.

Дальше, дальше мчитесь, санки,
Подымая бурей снѣгъ.
Нѣтъ, не нужно намъ стоянки,
Пусть продлится этотъ бѣгъ.

Пусть уноситъ скорость бѣга.
Но мгновенія не трать,
Въ губы, мокрыя отъ снѣга,
Дай тебя поцѣловать.

Какъ я радъ метелямъ хлёсткимъ,
Этой ночи безъ огня
И ѣздѣ въ снѣгу по блёсткамъ
Колокольцами звеня!

1907.

II.

ЛЮБОВЬ.

I.

ГОЛУБАЯ ЛЮБОВЬ.

Въ голубомъ на лѣстницѣ часто.
Притаясь возлѣ самыхъ перилъ,
На меня глядѣла не разъ ты,
Когда мимо я проходилъ.

Вся воздушная, вся голубая,
Вся безумію грезъ отдана,
Станъ свой тонкій нѣжно сгибая,
Ты казалась мнѣ призракомъ сна...

Безконечны у насъ коридоры,
Въ коридорахъ все номера,
Въ нихъ опущены темныя шторы,
И невѣрный сумракъ съ утра.

Я къ другой неразрывно прикованъ
Цѣпью жертвъ, что она принесла;
Но мечтой о тебѣ я взволнованъ,
И мечта эта нѣжно-свѣтла...

Вся воздушная, вся голубая,
Вся какъ призракъ безъ крови, безъ силъ,
Тонкій станъ свой назадъ отгибая,
Ты стояла у темныхъ перилъ.

Взглядъ твой душу мнѣ сжалъ какъ объятье,
Озарилъ ея глубину.
Голубое, нѣжное платье
Съ этихъ поръ я люблю какъ весну.

Съ этихъ поръ со мной, безъ пощады —
Свѣтлый призракъ у темныхъ перилъ,
Голубое безумiе взгляда
И воздушность безъ крови и силъ.

1908.

II.

БЛИЗЪ ТЕБЯ.

Мнѣ хочется, мнѣ хочется съ тобой остаться вмѣстѣ,
Глядѣть въ твои глаза, въ лучистое лицо,
Мнѣ хочется надѣть тебѣ, моей невѣстѣ,
На пальчикъ маленькій красивое кольцо.

Когда я близъ тебя, я тихо воскресаю.
Я дѣлаюсь цвѣткомъ, раскрывшимъ лепестки.
Я словно вдругъ проникъ къ лепечущему раю,
Быть можетъ, чрезъ твои лучистые зрачки.

Мнѣ кажется, мнѣ кажется, что мы дрожимъ влюбленно,
Два влажные цвѣтка—въ сиреневомъ саду.
И тихо я шепчу: „Оставь свой стебель сонный
И приходи ко мнѣ. И я къ тебѣ приду".

И страшно намъ, и страшно намъ, что вдругъ увидятъ люди,
Что мы, цвѣты, ушли съ зеленыхъ стебельковъ.
И будутъ говорить о невозможномъ чудѣ,
И будутъ тайну знать задумчивыхъ цвѣтовъ.

Какъ сладостно, какъ сладостно съ тобой остаться
вмѣстѣ,
Но страшно намъ людей и ихъ лукавыхъ глазъ.
И я шепчу тебѣ, застѣнчивой невѣстѣ,
Про тайну тихую, про нашъ завѣтный часъ,

Про сумракъ тающій—въ аллеѣ затѣненной,
„Ты приходи ко мнѣ. И я къ тебѣ приду".
Про шопотъ ласковый, про шопотъ полусонный,
Про шопотъ двухъ цвѣтовъ въ сиреневомъ саду.

1905.

III.

УГОВѲРЪ.

О, дѣвочка-цвѣтокъ съ лучистыми глазами,
Ты мнѣ открыла все, довѣрившись на мигъ.
И нѣжный уговоръ безмолвно между нами,
Какъ тихій поцѣлуй, таинственно возникъ.

О, я подозрѣвалъ, и мнѣ всегда казалось,
Что лишь случайно ты средь насъ—среди людей.
Цвѣткомъ задумчивымъ всегда ты оставалась,
Любимцемъ свѣтлыхъ зорь и ласковыхъ дождей.

Давно замѣтилъ я въ тебѣ какъ будто плѣнность,—
Какъ будто ты—не здѣсь, какъ будто ты въ бреду.
О, я подозрѣвалъ въ тебѣ прикосновенность
Цвѣтамъ загадочнымъ въ задумчивомъ саду.

О, дѣвочка-цвѣтокъ, какъ счастливъ я сознаньемъ,
Что тайной странною теперь владѣю я.
Я также, какъ и ты, плѣненъ очарованьемъ
Двойного счастія, двойного бытія...

Надъ міромъ встала ночь. И нѣтъ лунѣ запретовъ.
Я помню уговоръ. И я давно въ саду.
Я къ каждому цвѣтку въ мерцаньи блѣдныхъ свѣтовъ
Взволнованный мечтой, крадучись, припаду...

Вотъ шорохъ пробѣжалъ и скрылся въ сонныхъ
травахъ,
Зачѣмъ? Что значитъ онъ? Не твой ли это зовъ?...
Но какъ узнать тебя средь тысячи лукавыхъ,
Манящихъ, ласковыхъ, смѣющихся цвѣтовъ?

Душа тебя зоветъ съ волненьемъ и мольбою.
Ты—здѣсь, ты гдѣ-то здѣсь. Я знаю,—ты близка.
О, дай найти тебя, дай мнѣ побыть съ тобою,—
Дай мнѣ побыть цвѣткомъ вблизи тебя, цвѣтка!

1905.

IV.

ВЪ НОВОГОДНЕМЪ СНѢ.

Мнѣ лицо лучистое твое давно желанно.
И давно, и тайно оно знакомо мнѣ.
Послѣ чуда свѣтлаго, послѣ встрѣчи странной
Въ ласковомъ, въ пророческомъ, въ новогоднемъ снѣ.

Помнишь эту встрѣчу—то было не случайно.
Тихая и свѣтлая явилась ты ко мнѣ.
Это души встрѣтились радостно и тайно
Въ ласковомъ, въ пророческомъ, въ новогоднемъ снѣ.

Ты спала, закинувшись, не пошевелилась.
А душа съ душою обнялась въ вышинѣ.
Радостнаго чуда тайно причастилась
Въ ласковомъ, въ пророческомъ, въ новогоднемъ снѣ.

И когда мы встрѣтились, мы вздрогнули отъ счастья.
Мнѣ казалось, словно я приблизился къ веснѣ.
Мы тотчасъ припомнили свѣтлое участье
Въ ласковомъ, въ пророческомъ, въ новогоднемъ снѣ.

1905.

V.

ЛѢТНІЙ БАЛЪ.

Былъ тихій вечеръ, вечеръ бала,
Былъ лѣтній балъ межъ темныхъ липъ,
Тамъ, гдѣ рѣка образовала
Свой самый выпуклый изгибъ,

Гдѣ наклонившіяся ивы
Къ ней тѣсно подступили вплоть,
Гдѣ показалось намъ—красиво
Такъ много флаговъ приколоть.

Былъ тихій вальсъ, былъ вальсъ пѣвучій,
И много лицъ, и много встрѣчъ.
Округло-нѣжны были тучи,
Какъ очертанья женскихъ плечъ.

Рѣка казалась изваяньемъ
Иль отраженіемъ небесъ,
Едва живымъ воспоминаньемъ
Его ликующихъ чудесъ.

Былъ алый блескъ на склонахъ тучи,
Переходящій въ золотой,
Былъ вальсъ. призывный и пѣвучій.
Свѣтло овѣянный мечтой.

Былъ тихій вальсъ межъ липъ старинныхъ
И много встрѣчъ и много лицъ.
И близость чьихъ-то длинныхъ, длинныхъ,
Красиво загнутыхъ рѣсницъ.

1905.

VI.

ПѢСНЯ ОБѢЩАНІЯ.

Счастье придетъ.
Дни одиночества, дни безнадежности,
Дни воспаленной, тоскующей нѣжности,
Счастье какъ свѣтомъ зальетъ.
Счастье придетъ.

О, не грусти.
О, не желай же всегда недоступнаго,
Друга невѣрнаго, друга преступнаго
Съ тихимъ смиреньемъ прости
И не грусти.

Ты отдохнешь.
Я наклонюсь и въ уста воспаленныя
Тихо слова положу упоенныя,
Губъ моихъ нѣжную дрожь.
Ты отдохнешь.

Будетъ любовь.
Тѣло застонетъ отъ нѣжнаго счастія,
Тѣло душѣ передастъ сладострастіе.
Душу готовь,
Будетъ любовь.

1906.

VII.

БОЛЬНОЕ СЧАСТЬЕ.

Я хочу, чтобъ прошедшiее было забыто.
За собой я огни потушу.
И о томъ, что погибло, о томъ что изжито
Я тебя никогда не спрошу.

Наше счастье больное. Въ немъ грустная сладость.
Наше счастiе надо беречь.
Для чего же тревожить непрочную радость
Такъ давно ожидаемыхъ встрѣчъ.

Мнѣ такъ больно отъ жизни. Но какъ въ свѣтлое
счастье
Ты въ себя мнѣ повѣрить позволь.
На груди твоей нѣжной превратить въ сладострастье
Эту тихую, тихую боль.

Пусть не будетъ огня. Пусть не будетъ такъ шумно.
Дай къ груди головою прилечь.
Наше счастiе больное. Наше счастье безумно.
Наше счастiе надо беречь.

1906.

VIII.

ПѢСНИ СЧАСТЬЯ.

1.

Я больше не грущу. Я больше не ревную.
Я только счастья жду— и упоенныхъ встрѣчъ.
Хочу отдаться весь тебѣ и поцѣлую.
Хочу къ груди твоей приникнуть и прилечь.

Я долго ревновалъ. Душа моя боролась.
Душа была больна. Душа боится мукъ.
Но пусть звучитъ теперь твой смѣхъ, твой нѣжный голосъ,
Пусть шею обовьетъ кольцо стѣсненныхъ рукъ.

Я жажду губъ твоихъ, покорныхъ поцѣлую.
Я счастія, счастья жду, всѣ думы отстраня.
Я больше не грущу, Я больше не ревную. —
Люблю, люблю, люблю... люби же ты меня.

1906.

—

IX.

2.

Я часто счастья ждалъ, усталый отъ ненастья.
Молитвамъ ропотнымъ внимала тишина.
И вотъ мнѣ кажется, вся безпредѣльность счастья,
Какъ въ солнцѣ всѣ лучи,—въ тебѣ заключена.

Ты точно свѣтлый сонъ, сіяющій и вешній,
Что душу озарилъ и шепчетъ ей: повѣрь.
Ты съ самыхъ первыхъ встрѣчъ казалась мнѣ не-
здѣшней,
Но то, что счастье—ты, я понялъ лишь теперь.

Мечтою ласковой задумчиво взволнованъ,
Я образъ твой храню въ мельканьи всѣхъ минутъ.
И я люблю тебя. И я къ тебѣ прикованъ.
Такъ, какъ я жду тебя, такъ только счастья ждутъ.

Я знаю,—вся лазурь, вся безпредѣльность счастья
Вся солнечность лучей,—въ тебѣ заключена.
Повѣривъ, тихо жду, усталый отъ ненастья.
Молитвамъ радостнымъ внимаетъ тишина.

1906.

X.

ВДВОЕМЪ.

Морозная ночь. На окнахъ бриллiанты.
Мерцаетъ и блещетъ ихъ снѣжная грань.
Душистые волосы, шпильки и банты
И тѣло сквозь тонкую ткань.

Какое безумье, какая истома
Къ губамъ изсгупленнымъ приласть,
И съ нихъ, какъ съ волшебныхъ краевъ водоема,
Принять безысходную страсть!

Все глуше, протяжнѣй и все погребальнѣй
Метельный напѣвъ за окномъ.
А здѣсь, въ этой душной, натопленной спальнѣ,
Какое безумье вдвоемъ!

Тамъ шумная вьюга, тамъ пѣсни метели,
Подобныя пѣнiю трубъ,
А здѣсь на горячемъ, на трепетномъ тѣлѣ—
Слѣды обезумѣвшихъ губъ!

Закрыты глаза, обезсилено тѣло,
Сползли волоса на виски.
Но груди какъ прежде упруги и бѣлы,
Какъ граненный опалъ ихъ соски.

Не надо теперь никакихъ достиженій,
Ни истинъ, ни цѣлей, ни битвъ.
Вся жизнь въ этомъ ритмѣ безумныхъ движеній —
Ему изступленье молитвъ!

Пусть міръ сотрясаютъ снѣга и метели,
И громы архангельскихъ трубъ.
Все въ этомъ горячемъ, порывистомъ тѣлѣ
Открыто безумію губъ.

1908.

XI.

Л Ю Б Л Ю.

О, дѣвочка моя, твои слова такъ скрытны,
Но я въ глазахъ твоихъ всѣ тайны уловлю.
Я твой подвижный станъ, прямой и беззащитный,
Такъ радостно-свѣтло, такъ ласково люблю.

Когда къ твоей рукѣ я тихо прикасаюсь,
Замѣтила ли ты,—все переходитъ въ сонъ?
Тобою я давно безмолвно восхищаюсь,
Дѣвичествомъ твоимъ лучисто осѣненъ.

Пока—молчали мы, но разъ мы были рядомъ.
Ахъ, что-то и влекло, и отстраняло насъ,
И долго я смотрѣлъ любующимся взглядомъ
Въ сіянье темное твоихъ лучистыхъ глазъ.

И вдругъ твой взоръ поймалъ, такъ нѣжно заблестѣвшій,
Какъ будто вся душа, дрожа, въ него вошла,
Но вмигъ смутилась ты, стыдливо покраснѣвши,
И вновь потухшій взоръ поспѣшно отвела.

О, дѣвочка моя, мы связаны тѣмъ взглядомъ,
Замѣтила ли ты, — все переходитъ въ сонъ?
Я навсегда хочу съ тобой остаться рядомъ,
Дѣвичествомъ твоимъ лучисто осѣненъ.

Сегодня вечеромъ, когда нашъ знакъ прощальный —
Прикосновенье рукъ я ласково продлю,
О, дѣвочка, пойми, что я душой печальной
Тебя и радостно, и ласково люблю.

1905.

XII.

У ЗЕРКАЛЬНОЙ РѢКИ.

О, какъ мнѣ жаль тебя и ласково, и нѣжно,
Какъ я люблю тебя, любуясь и грустя.
За все, что ждетъ тебя, за все, что неизбѣжно,
О, какъ мнѣ жаль тебя, стыдливое дитя.

Чтъ я скажу тебѣ, довѣрчивой и чистой,
Въ отвѣтъ на всю любовь, застѣнчивость и дрожь.
Какъ я скажу тебѣ, безгрѣшной и лучистой,
И развѣ я могу? И развѣ ты поймешь?

Послѣднихъ думъ моихъ, дитя, ты не уловишь,
Полна ты свѣтлыхъ зорь, стыдливо полюбя.
О, если-бъ знала ты, что ты себѣ готовишь,
Какой безмѣрный грузъ берешь ты на себя!

Зеркальная рѣка. Лучистая полоска.
Дрожитъ прощальный лучъ, деревья золотя.
Съ своей затѣйливой и взрослою прической
Какъ ты мнѣ нравишься, стыдливое дитя.

Какъ мнѣ хотѣлось бы все то, что неизбѣжно,
Все то, что ждетъ тебя, заботливо отвлечь,
И въ тихой радости и ласково, и нѣжно
Твой розовый расцвѣтъ лелѣять и беречь.

1905.

XIII.

МЕЖЪ ЧЕРНЫХЪ СОСЕНЪ.

Въ тебѣ есть что-то строгое, стыдливое и чистое,
Какихъ-то тайнъ нетронутыхъ нѣмая глубина.
И все-таки ты нѣжная, какъ будто вся лучистая.
Дѣвическая строгость всегда, всегда нѣжна.

Когда со мною рядомъ ты смотришь вопрошающе,
Глядишь такъ дѣтски пристально мнѣ въ душу, въ
глубину,
Передъ тобою дѣвственной, передъ тобой незнающей
Я начинаю чувствовать безумную вину...

Задумчивыя сосны суровы и безжизненны.
Плечомъ къ плечу коснулись мы, и сладко быть
вдвоемъ.
Но взглядъ твой недовѣрчивый, но взглядъ твой уко-
ризненный,
И быть съ тобой мнѣ кажется мучительнымъ грѣхомъ.

Безжизненныя сосны черны и тѣсно сдвинуты.
Повсюду сосны черныя и больше ничего.
Ужели же прошедшее не можетъ быть отринуто,
И все твое дѣвичество не озаритъ его?

Прости меня за прошлое. Мнѣ хочется прощенія.
Лучисто-тихой радости, чтобъ душу озарить,
И свѣтлой непорочности, и свѣтлаго смущенія...
Ты можешь, можешь, можешь, и ты должна простить.

Со взглядомъ дѣтски-пристальнымъ, ты — строгая и
чистая,
Но даже этой строгостью свѣтло озарена,
Ты нѣжная, ты нѣжная, ты словно вся лучистая.
Дѣвическая строгость всегда-всегда нѣжна.

1905.

XIV.

У НОЧНОГО ОКНА.

Тамъ въ гостиной люди,—говорятъ и спорятъ.
Странно-возбужденны, какъ будто бы въ бреду,
Тайной, темной власти ослѣпленно вторятъ,
Тамъ въ гостиной люди—я отъ нихъ уйду.

Уходи за мною—въ тихое молчанье,
Въ комнату закрытую—къ высокому окну.
Видишь, тамъ на улицѣ—каменныя зданья
Тихо покорились ласкающему сну.

Радостно лелѣя загадочныя думы,
Тихо и довѣрчиво безмолвствуютъ они.
Не смутятъ ихъ счастья—уличные шумы,
Блики электричества, желтые огни...

А надъ ними дышатъ—волей необъятной,
Свѣтлымъ обѣщаніемъ, знающей судьбой—
Звѣздъ неумирающихъ серебряныя пятна,
Небо сине-черное, сумракъ голубой.

Въ комнатѣ такъ тихо. Протянуты мерцанья.
Блики электричества на матовомъ полу.
О, смотри довѣрчиво въ темное молчанье,
О, приникни ближе къ морозному стеклу.

Если вѣрить сумраку,—онъ тихо улыбнется,
Дастъ и обѣщанiе, дастъ и забытье.
Видишь, стало радостно, только сердце бьется,
Только сердце бьется—твое или мое?..

Тамъ за дверью — люди, спорятъ возбужденно,
И не видятъ люди, что мы ушли съ тобой,
Что мы удалились, тайно и влюбленно,
Въ комнату закрытую, въ сумракъ голубой.

Что мы вѣримъ тихо, вѣримъ обѣщанью,
Радостно приникнувъ къ морозному стеклу,
Что мы полюбили тихое молчанье,
Небо сине-черное, ласкающую мглу...

Что мы такъ забылись тутъ, что если сердце бьется,
Въ первый мигъ неясно намъ—твое или мое...
Если вѣрить сумраку—сумракъ улыбнется,
Дастъ и обѣщанiе, дастъ и забытье.

1905.

XV.

ВЪ ТОЛПѢ.

Ужель ты думаешь, что я въ ревнивой мукѣ,
Не радъ любви твоей и счастью твоему,
Когда, соединивъ ласкающія руки,
Ты съ нимъ въ толпѣ идешь, довѣрившись ему?

Ужель ты думаешь, что я тебя ревную
Въ тотъ самый свѣтлый мигъ, въ тотъ радостный
твой мигъ,
Когда, почуявши кругомъ толпу чужую,
Твой станъ къ его рукѣ довѣрчиво приникъ?

О, нѣтъ, я тихо радъ, въ твои глаза взглянувши.
Останься съ нимъ всегда. Ему не прекословь.
О, такъ ты счастлива, къ нему дрожа прильнувши,
Забывшая себя, принявшая любовь.

Я вижу васъ въ толпѣ, я вижу отовсюду.
Онъ выше всѣхъ въ толпѣ, ликующій орелъ.
И всюду вмѣстѣ васъ всегда я видѣть буду,—
О, если-бъ хоть на мигъ онъ отъ тебя ушелъ!

Лишь чтобъ открыть тебѣ рыдающую муку,
Все изступленіе, что я несу любя.
Но ты проходишь съ нимъ, склоненная на руку,
На руку мощную, держащую тебя.

О, этотъ тонкій станъ, къ нему дрожа прильнувшій,
О, этотъ тонкій станъ слабѣе стебелька.
Но нѣтъ, я тихо радъ, въ твои глаза взглянувши,
И радостно душа душѣ твоей близка.

И не ревную я. Не надо мнѣ участья.
Останься съ нимъ всегда. Ему не прекословь.
Останься счастлива, извѣдавшая счастье,
Забывшая меня, принявшая любовь.

1905.

XVI.

ВЪ ЧАСЪ РАЗЛУКИ.

Благословимъ судьбу за наше разлученье.
Въ немъ воля явная. Зачѣмъ же длить борьбу?
Пусть въ сердцѣ сдавленномъ глухое изступленье,
Благословимъ судьбу. Благословимъ судьбу.

Открылся весь нашъ путь, навѣкъ разъединенный,
Мы отданы судьбой вліянью разныхъ силъ.
Я знаю весь твой путь, лучисто-неуклонный,
И я его въ душѣ давно благословилъ.

О, тихая сестра, о, агнецъ златорунный,
Ты ангелъ ласковый среди печальныхъ дѣвъ.
И вся твоя душа—святой и многострунный,
Угодный Господу молитвенный напѣвъ.

Ты подвигъ свой возьмешь безъ ропота и думы.
О, сохрани себя, и душу уготовь.
Твой подвигъ не въ борьбѣ, тяжелой и угрюмой,
Твой подвигъ сладостный—смиренная любовь.

Въ ней ласковая вѣсть о счастьи всеединства.
Для душъ повѣрившихъ мгновенье забытья.
Въ ней радость свѣтлая святого материнства
И пріобщеніе къ завѣтамъ бытія.

О, тихая сестра, дай ласковыя руки.
Я покорюсь судьбѣ. Я больше не ропщу.
Я въ этотъ грустный часъ мучительной разлуки
Ненужнымъ ропотомъ тебя не возмущу.

Я встану, какъ и ты, смиренно на колѣни,
Я буду повторять покорную мольбу.
Пусть въ сердцѣ сдавленномъ безумье изступленій.
Благословимъ судьбу. Благословимъ судьбу.

1905.

XVII.

ТЕРЦИНЫ О ПРОШЛОЙ ЛЮБВИ.

Въ тѣ дни, когда съ тобою мы встрѣчались
Мы рядомъ шли и грезили одно,
Мы рядомъ шли, но чуждыми остались.

И душу слить намъ было не дано.
Душа другой души не понимала,
Въ другой душѣ осталось все темно.

Мы отошли. Судьба намъ указала.
Былое стало невозможнымъ сномъ.
Я вновь одинъ, тревожный и усталый.

Глухая боль означилась на всемъ.
Быть близъ тебя казалось такъ желанно,
Быть близъ тебя казалось мнѣ грѣхомъ.

Была ты вся лучисто-осіянной,
Входила въ душу ясной тишиной,
Какъ свѣтлый сонъ, легко-благоуханный.

Былъ взоръ твой сладостный и неземной.
Ты мнѣ казалась ласковой святыней,
Ты мнѣ казалась радостной весной.

Въ твоемъ лицѣ, въ сіяньи тихихъ линій
Была покорность знающей судьбѣ,
Безмолвный страхъ глухихъ моихъ уныній.

Когда жъ, дрожа, склонялась ты въ мольбѣ,—
Все позабывъ въ молитвенномъ напѣвѣ,—
Свѣтилось что-то чудное въ тебѣ

И что-то близкое Пречистой Дѣвѣ.

1905.

III.

ТРУДЪ.

I.

ТЕРЦИНЫ ТРУДОВОГО УТРА.

Несвязный гулъ ворвавшихся рѣчей.
Зеленый свѣтъ, угрюмый и неясный.
Да, это утро, утро безъ лучей!

Подходитъ день, тяжелый и ненастный.
Тревоженъ мракъ, глядящій изъ окна.
А лампы свѣтъ—пугающій и красный.

Итакъ прошло очарованье сна.
И этотъ день въ оправѣ дымно-синей –
Дѣйствительность, что намъ присуждена.

На вѣткахъ дрогнувшихъ—тяжелый иней.
На улицахъ пустынно и темно,
Весь міръ одѣтъ въ покровъ глухихъ уныній.

Весь міръ—зеленое, глухое дно.
Но пусть дома—какъ темныя пещеры,
Гдѣ счастье мертвое погребено,

Пусть небеса безжизненны и сѣры,—
Я вѣрю дню, я жду и жажду дня
Со всѣмъ безуміемъ послѣдней вѣры!..

И день пришелъ и глянулъ на меня —
Межъ фонарей, гдѣ дотлѣваетъ чадно
Гніющій слѣдъ вчерашняго огня.

Что-жъ, здравствуй, день, угрюмо-безотрадный,
Тебя я встрѣтилъ стойко, какъ всегда,
Какъ вѣрный стражъ на службѣ безпощадной

Безсмысленно-позорнаго труда!

1906.

II.

ВЕЧЕРНІЯ ТЕРЦИНЫ.

Вотъ, наконецъ, свободенъ и одинъ,
Могу отдаться я любимой думѣ,
Часовъ вечернихъ грустный властелинъ.

Въ дневномъ, въ мучительномъ, въ докучномъ шумѣ
Я не живу, я тамъ какъ въ полуснѣ.
Я—только здѣсь въ безбрежности раздумій.

Лишь здѣсь легко спускаются ко мнѣ,
Какъ бабочки къ огню свѣчи балконной,
Тѣ мысли, что живутъ лишь въ тишинѣ.

Неотразимостью ихъ потрясенный,
Какимъ проклятьемъ, горькимъ и глухимъ,
Кляну я день свой, снова завершенный!

Да, прожитъ день и былъ онъ трудовымъ,
Какъ каждый день, какъ сонмы дней привычныхъ,
Идущихъ вспять, влачащихся какъ дымъ.

Средь мелочей, забавныхъ и трагичныхъ,
Проходитъ жизнь, а сзади, въ прожитомъ—
Лишь сѣрый дымъ дней тупо-безразличныхъ,

Всю нашу жизнь уродуя трудомъ,
Какъ тонкій станъ суровою сермягой,
Какой цѣной себя мы продаемъ!

Въ насъ притупляется вся гордость и отвага,
Всѣмъ мы безумно жертвуемъ труду,
Поденщики общественнаго блага...

О, вечеръ, какъ томительно я жду
Весь долгій день минуты лучезарной,
Когда въ тебѣ забвенье я найду.

И вотъ ты здѣсь, прозрачный и янтарный,
Что жъ не доходитъ миръ твой до меня,
Зачѣмъ въ душѣ все тотъ же гулъ базарный,

Наслѣдіе безсмысленнаго дня?

1907.

III.

ДНИ УМИРАНІЯ.

Давно и тихо умирая,
Я — какъ свѣча въ тяжелой мглѣ.
Лазурь сіяющаго рая
Мнѣ стала явной на землѣ.

Мнѣ стали странно чужды рѣчи.
Весь гулъ встревоженныхъ рѣчей.
И дни мои теперь—предтечи
Святыхъ, вѣщающихъ ночей.

Звучатъ мнѣ радостью обѣта
Мои пророческіе сны.
Мнѣ въ нихъ доносятся привѣты
Святой сіяющей весны.

Я тихо, тихо умираю.
Свѣтлѣетъ отблескъ на стѣнѣ.
Я внемлю ласковому раю
Уже открывшемуся мнѣ.

Какой-то шопотъ богомольный
Иль колыханье тихихъ нивъ,
Иль въ синемъ небѣ колокольный
Влекущій радостный призывъ.

1905.

IV.

ВЪ ПЛѢНУ.

Задумчивый по улицамъ ходилъ я много разъ.
Какъ близкаго привѣтствовалъ меня дрожащій газъ.
И я смотрѣлъ довѣрчиво на цѣпи фонарей,
На тихое сіяніе закатныхъ янтарей.

И все казалось призрачнымъ срэдь неподвижныхъ стѣнъ,
Закутаннымъ, захваченнымъ въ какой-то тайный плѣнъ.
Съ безмолвнымъ пониманіемъ глядящимъ въ глубину,
Любовно убаюканнымъ въ ласкающемъ плѣну.

Порой бывали огненны и жутки вечера.
Казалось! срокъ исполнился,—послѣдняя пора.
Бѣжали неба краснаго, тѣснились возлѣ стѣнъ,
Боялись, что разрушится нашъ безтревожный плѣнъ.

Но вновь спускалась призрачность укромной тишины,
И снова всѣ лелѣяли ласкающіе сны,
И снова тѣни тихія, уставшія отъ дня,
Отдавшись грезѣ трепетной, скользили близъ меня.

Когда вечернимъ сумракомъ смѣнялась бирюза,
У нихъ бывали грустные, безсонные глаза.
И руки слабо-бѣлыя безъ жизни и безъ силъ,
И эти руки слабыя я трепетно любилъ.

И сталъ я тоже призрачнымъ, какъ тѣни вкругъ
меня,
Какъ эти тѣни блѣдныя, боявшіяся дня.
Съ душой, навѣкъ отдавшейся мечтѣ и тишинѣ,
Бѣгущей жизни красочной, живущей лишь во снѣ.

И въ счастіе безпредѣльное съ тѣхъ поръ я погру-
женъ.
Сливаюсь съ міромъ призраковъ, самъ обращаюсь
въ сонъ.
Съ благоговѣйнымъ трепетомъ лелѣю тишину,
Навѣки убаюканный въ ласкающемъ плѣну.

1908.

V.

ПѢСНЯ О ВЕЧЕРНЕМЪ ЗВОНѢ.

1.

Ev. Matth. 6. 25—33.

Снова звонъ, равномѣрный, ласкающій,
Успокоенный, радостный звонъ,
Надъ усталой душой простирающій
Кружевной и серебряный сонъ.

Сердце плакало горькимъ рыданіемъ
О недѣлѣ тупого труда.
Свѣтлый звонъ прозвучалъ обѣщаніемъ.
Обѣщаніе то—навсегда.

Чтобъ расцвѣсть — надо быть въ одиночествѣ,
Надо бросить позорящій трудъ.
Надо вѣрить, что въ тихомъ пророчествѣ
Звуки счастье душѣ принесутъ...

2.

Было сказано намъ: Посмотрите на лиліи,
Какъ нарядъ ихъ нетлѣнно-красивъ,
Въ ежедневномъ трудѣ, въ ежедневномъ усиліи
Гаснетъ медленно каждый порывъ.

Звуки, мѣрные звуки поютъ о смиреніи,
Вѣры нѣтъ — и душа смятена.
И поэтому трудъ и въ трудѣ—униженіе,
И вся жизнь какъ гробница темна.

Надо быть какъ цвѣты, какъ прекрасныя лиліи,
Безъ заботъ о дневномъ, о себѣ,
Надо въ тихомъ безмолвіи, въ свѣтломъ безсиліи
Покориться, повѣрить судьбѣ.

Надо въ душу принесть этотъ тихій, ласкающій,
Этотъ поздній и радостный звонъ,
Надъ усталой душою свѣтло простирающій
Кружевной и серебряный сонъ.

3.

Боже, я твой, я послушенъ.
Звону я душу открылъ.
Сумракъ былъ черенъ и душенъ,
Звонъ его свѣтомъ пронзилъ.

Сладостнымъ стало безсилье,
Нѣтъ ни желаній, ни слезъ.
Звонъ для души словно крылья,
Звонъ ее въ небо унесъ.

Тихо плыву въ безконечность
Слившійся съ звономъ въ одно,
Непостижимую вѣчность
Сердцу почуять дано.

Звѣзды—какъ чашечки лилій,
Міръ—какъ серебряный звонъ.
Тихо безъ мукъ и усилій
Въ чей-то вступаю я сонъ.

Вотъ онъ разлитый въ эфирѣ,
Въ шири пространствъ безъ конца
Сонъ о ликующемъ мірѣ,
Сонъ Молодого Творца.

4.

Звонъ поетъ, звонъ растетъ какъ видѣнье.
Звономъ синее небо полно.
Сердце любитъ свое усыпленіе.
Сердце въ творческій сонъ вплетено.

О, какъ сладко святое безсиліе,
Озаренное вѣрой въ Творца.
Сердце стало какъ чашечка лиліи.
Сердце ждетъ золотого вѣнца.

Все почило въ нѣмомъ усыпленіи.
Безпредѣленъ ликующій звонъ.
И весь міръ—лишь мечта, лишь видѣніе.
Кружевной и серебряный сонъ.

1907.

VI.

БАЛЛАДА О ПОЗДНИХЪ ВСТРѢЧАХЪ

О, странныя встрѣчи съ прошедшимъ.
О, да, это было. Но было давно.
Казалось на вѣкъ отошедшимъ,—
И вотъ воскресаетъ оно.

Какъ больно, какъ жутко, какъ радостно странно,
Въ душѣ поднялись, зашептали мечты.
И тихое *Вы* такъ нежданно,
И странно и хочется вымолвить *ты*.

Оно было прежде такъ ласково свято,
Таило незримую дрожь.
—Ты помнишь, мы были, вѣдь, близки когда-то:
—Ахъ, помню. Ахъ, здравствуй. Куда ты идешь?

—Какая ты странная стала,
Какъ пристально въ душу глядишь.
Зачѣмъ ты глядишь такъ устало,
Въ глазахъ твоихъ мертвая тишь.

Какъ будто въ нихъ что-то тревожно заснуло,
И всталъ недовѣрчивый страхъ.
Какъ будто бы что то навѣкъ утонуло
Въ твоихъ неподвижныхъ глазахъ.

Какъ будто бы тихіе звоны
Звучали намъ прежде. Замолкли теперь.
Какая-то тайна затона,
Которой—не вѣрь.

Затона, гдѣ стебли оторванныхъ лилій
Тоскуютъ о тихой лунѣ,
Въ безумьи безсилій
На призрачномъ днѣ.

— О, какъ мы давно не видались.
Тогда было лѣто. Ты рвалъ васильки.
Скажи, почему мы разстались
И вотъ — далеки?

—Не знаю. Не знаю. Все это такъ больно.
Тогда было лѣто. Его уже нѣтъ.
Но счастья былого душѣ недовольно.
И радости прошлой мучителенъ слѣдъ.

—Ты думаешь, счастье возможно?
Но больше, вѣдь, нѣтъ васильковъ.
И кто-то вздыхаетъ тревожно
Въ безмолвіи позднихъ часовъ.

Я явственно слышу какъ кто-то тоскуя
Вздыхаетъ, окутанный тьмой,
Когда одиноко къ себѣ прихожу я
Въ часы полуночи домой.

—О, бѣдная плѣнница тусклыхъ кошмаровъ,
Облекшихся въ позднюю тьму.
Средь этихъ асфальтовъ и этихъ бульваровъ
Такъ тягостно быть одному.

Я вѣрю, мы встрѣтились здѣсь неслучайно,
Намъ вмѣстѣ назначено быть.
Такъ будемъ-же счастливы тихо и тайно,
Разъ счастье опасно открыть...

Безжизненный сумракъ. Глядящіе тѣни.
Не видно лица.
Какія-то стѣны тяжелыхъ строеній,
Куда-то идемъ безъ конца.

Все стѣны и стѣны толпой безпощадной.—
Я ихъ уже видѣлъ когда-то во снѣ,—
И свѣтъ фонарей, умирающій чадно,
Прикованный къ черной стѣнѣ.

Глухой переулокъ. И мгла подворотни.
Зловѣще-зіяющій входъ.
О, если бы можно намъ быть беззаботнѣй
Предъ черною мглою воротъ!

Тревожно глядимъ мы. Другъ друга не знаемъ.
И души боятся вступить въ разговоръ.
Скрипучая дверь. Отворяемъ.
Угрюмая лѣстница. Грязный коверъ.

И вдругъ—виноватая нѣжность во взорѣ.
Идемъ вдоль ковра.
Глухіе шаги въ коридорѣ,
Кругомъ номера.

Вотъ кто-то вздыхаетъ тревожно,
Рыдаетъ визгливый засовъ.

. . . .

Ужели ты думаешь, счастье возможно,
Вѣдь, больше ужъ нѣтъ васильковъ!

1907.

ДОПОЛНЕНІЕ.

1.

(ИЗЪ АЛЬБОМА.)

1.

Когда разстанусь я съ тобою,
Чрезъ много лѣтъ прочтешь вновь это ты;
И грудь твоя наполнится тоскою,
И вспомнишь дѣтство ты былое,
И пылкой юности мечты.

И вспомнишь любящаго брата,
Который, можетъ быть, въ странѣ чужой
Грустить о томъ, что онъ имѣлъ когда-то,
Чему теперь ужъ нѣтъ возврата,
Грустить о юности былой.

И вспомнишь ты счастливые тѣ годы,
Когда безпечно дни для насъ текли;
Когда не знали мы еще невзгоды,
Ни жизни бурь и непогоды
А вѣрили лишь въ счастье впереди.

24 іюня 1899 года.

II.

2.

Ты молода, неопытной душою
Ты вѣришь въ счастье и добро;
Ты необманута еще судьбою,
На сердцѣ у тебя такъ ясно и свѣтло.
Жизнь кажется тебѣ заманчивой, прекрасной,
Раскрытъ передъ тобой ея широкій путь:
И призракъ счастія, далекій и неясный
Волнуетъ молодую грудь.
Но скрыта темной пеленою
Вся будущность отъ насъ; не знаешь ты,
Что предназначено тебѣ судьбою
Перетерпѣть, перенести.
Что ждетъ тебя? Желаній — исполненье?
Дней ясныхъ и счастливыхъ нить?
Далеко отъ нуждъ, отъ горя и мученья
Жизнь въ счастьи суждено тебѣ прожить?
Или, быть можетъ, счастье помрачится?
Горе, страданье узнаешь ты,
Тогда я буду за тебя молиться
Просить пощады у судьбы.
Но вѣрь мнѣ, всей моей душою
Тебѣ добра желаю я,
Да будетъ счастіе съ тобою,
Да Богъ благословитъ тебя.

24 іюня 1899 г.

III.

*
* *

Изнуренный житейской заботой,
Весь разбитый, усталый, больной.
Надъ безплодной томяся работой,
Оклеветанный злою молвой,
Потерялъ я охоту трудиться,
И бороться, и жить, и терпѣть...
И хотѣлось бы только забыться,
И отъ міра бы въ даль улетѣть.
И берусь за страничку поэта
И, забывъ о страданьяхъ людскихъ,
Далеко отъ заботы и гнета
Уношуся въ мечтахъ золотыхъ.
Въ этихъ дивныхъ строкахъ подкрѣпленье
Нахожу постоянно въ себѣ,
Въ нихъ свои провѣряю стремленья,
Въ нихъ я черпаю силы къ борьбѣ.
А потомъ я сажуся къ роялю,
Властно звуки несутся волной,
Звуки полные тихой печали,
Мнѣ надеждой звучатъ молодой,
И волшебныя, дивныя грезы
Надъ моею витаютъ душой;
На глазахъ блещутъ теплыя слезы
А на сердцѣ и миръ и покой...
Съ новой силою, съ новой охотой
И съ надеждой въ усталой груди
Принимаюсь я вновь за работу,
И борьба не страшна впереди.

[1901.]

IV.

*
* *

На берегу морскомъ высокомъ,
На живописныхъ склонахъ скалъ,
Одинъ, задумавшись глубоко,
Безмолвно грустный я стоялъ.
Высоко поднимались волны,
Волна катилась за волной,
И думъ и восхищеній полный
Стоялъ надъ бездной я морской.
И въ созерцанье погруженный,
Я думалъ о страстяхъ людскихъ,
О мірѣ думалъ, о вселенной
И о вопросахъ міровыхъ;
О Богѣ думалъ, о природѣ,
О цѣли вѣчной бытія,
О счастьѣ, славѣ и свободѣ,
О злѣ и благѣ думалъ я.
Зачѣмъ-же люди здѣсь страдаютъ,
Воюютъ за клочекъ земной?
Зачѣмъ другъ друга убиваютъ
Съ такою злобой и враждой?
Чего хотятъ, къ чему стремятся?
Зачѣмъ безцѣльная вражда?
Ужели жизнью наслаждаться
Нельзя безъ крови и вреда?

Я думалъ о людскихъ страданьяхъ,
Я думалъ о Творцѣ людей...
И о началѣ міозданья,
И о причинѣ всѣхъ скорбей...
Вопросы эти волновали
Такъ сильно мой усталый умъ...
Внизу же волны рокотали
И слышался прибоя шумъ.

[1901.]

V.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Нѣтъ, шаловливою гвоздикой,
Я не рѣшаюсь васъ назвать,
Вѣдь, право, было-бъ слишкомъ дико
Вамъ шаловливость приписать.

Для павилики слишкомъ полны,
Для георгина жъ вы худа:
Въ немъ красокъ пламенныя волны,
Которыхъ нѣтъ въ васъ и слѣда.

На колокольчикъ миловидный,
Какъ мнѣ ни стыдно, не рѣшусь:
Вдругъ, вамъ покажется обидно,
А я обидѣть васъ боюсь.

Левкой, цвѣтокъ весьма пріятный,
Да репутація плоха:
Онъ дышетъ нѣгой ароматной
Самовлюбленнаго грѣха.

Однако-жъ трудная дилемма!
Я какъ потерянный хожу—
Ни съ резедой, ни съ хризантемой
Я сходства въ васъ не нахожу.

Мимоза?! Это поэтично!
Но затрудненіе здѣсь въ томъ:
Она у насъ такъ необычна,
Что съ нею плохо я знакомъ.

Ахъ, расцвѣтающею розой,
Хотѣлъ бы васъ прославить я.
Но что-то стало пахнуть прозой
Отъ розъ, луны и соловья.

Ужъ столько было инцидентовъ,
Гдѣ фигурируетъ она,
Что по уставу декадентовъ
Она теперь воспрещена.

Назвать васъ лотосомъ не смѣю:
Онъ любитъ полночь и порокъ.
Итакъ, осталась орхидея
Индійско-сказочный цвѣтокъ.

Вотъ, гдѣ открылись горизонты!
Но не ликуй еще, поэтъ:
Вѣдь скажутъ взято у Бальмонта,
А это—худшее изъ бѣдъ!

Ахъ, я въ ужасномъ затрудненьи.
Не помогаетъ ни на грошъ
Ни поэтическое рвенье,
Ни стихъ отточенный, какъ ножъ.

Ужъ не ошибка ли все это,
Куда меня мой духъ завлекъ!
И вы, цвѣтокъ въ мечтѣ поэта,
На самомъ дѣлѣ—не цвѣтокъ?

Приходится, во избѣжанье
Дальнѣйшихъ несогласныхъ словъ,
Устроить намъ голосованье
На общемъ сборищѣ цвѣтовъ.

Цвѣты живутъ, впивая росы,
Любя привѣты вѣтерка,
А вы поставили вопросы,
Что невозможны у цвѣтка.

Цвѣтокъ, который самъ не знаетъ,
Какой онъ міръ собой облекъ,
Что за мечту онъ воплощаетъ, —
Есть подозрительный цвѣтокъ.

О, я предвижу все, что будетъ:
Баллотировкой голосовъ,
Васъ, безъ сомнѣнія, присудятъ
Быть исключенной изъ цвѣтовъ!..

[1901.]

VI.

Сколько чувствъ и рѣчей въ эти нѣсколько дней!
Жизнь кипитъ, жизнь зоветъ и пьянитъ...
Помню трепетъ плечей, помню искры очей,
Помню рокотъ влюбленныхъ рѣчей.
Не въ обманчивомъ снѣ это грезится мнѣ:
Я живу! Это все наяву!
И ввѣряюсь вполнѣ я житейской волнѣ
Пусть несетъ къ неизвѣстной странѣ!
На просторѣ—вольнѣй! Тамъ мнѣ жить веселѣй!
Въ сердцѣ страстную дрожь не уймешь...
И пѣвучій ручей сладкозвучныхъ рѣчей
Знаю, грянетъ теперь горячѣй!

1902.

VII.

* * *

Lascia mi vivere!..
Morir si giovane!

Я боюсь умереть молодымъ,
На зарѣ соблазнительныхъ грезъ,
Не упившись всѣмъ счастьемъ земнымъ,
Не сорвавшихъ всѣхъ жизненныхъ розъ.
Пышной лентой раскинулась жизнь предо мной:
Все въ ней блескъ, все краса, все лазурь!
Какъ плѣнителенъ счастія томный покой!
Какъ роскошенъ размахъ этихъ бурь!
Только-бъ жить, только бъ жить я безумно желалъ,
Грудь надеждъ закипѣвшихъ полна.
Этотъ жизненный пиръ, этотъ полный бокалъ
Исчерпать бы хотѣлъ я до дна!
Чтобы послѣ я могъ благодарной мечтой
Уноситься къ восторгамъ былымъ...
О! вся жизнь, вся роскошная жизнь предо мной!
Я боюсь умереть молодымъ!

1902.

VIII.

ВЪ ТРАВѢ.

Въ этой мягкой, душистой травѣ
Мнѣ привольно, отрадно, тепло...
Тонутъ взоры мои въ синевѣ.
Все вокругъ такъ лазурно, свѣтло.

Я смотрю, какъ деревья сплелись
Надо мною въ узорный навѣсъ,
Я ловлю уходящую высь
Безмятежно-спокойныхъ небесъ...

Тамъ, вверху, высоко, высоко
Солнце ярко горитъ въ синевѣ...
Мнѣ привольно, отрадно, легко
Въ этой мягкой, душистой травѣ...

[Августъ. 1902.]

IX.

Сумерки.

Вечерѣетъ. Прохлада
Охватила лѣса...
За оградою сада
Задымилась роса.

На проѣзжей дорогѣ
Шумный гулъ ужъ уснулъ...
Видишь мѣсяцъ двурогій
Межъ деревьевъ блеснулъ.

Онъ горитъ, онъ сверкаетъ
Точно острая сталь...
Посмотри потухаетъ
Розоватая даль.

Все сильнѣе дымится
Изумрудный коверъ...
Скоро звѣздъ загорится
Лучезарный узоръ.

Въ чуткомъ сумракѣ ночи,
Въ полумглѣ, въ тишинѣ,
Ихъ пытливыя очи
Въ душу просятся мнѣ...

[Октябрь. 1902.]

X.

ВЕСЕННЯЯ МЕЛОДІЯ.

Солнце смѣется, привѣтно лучами играя,
Ты улыбнулася, нѣжно головку склоня...
И расцвѣтаетъ душа и дрожитъ, замирая,
Въ нѣжащей ласкѣ любви и весенняго дня.
Слышишь ли птичекъ ласкательно-звонкія трели?
Ахъ, какъ томитъ этотъ дивный весны ароматъ!
Какъ на лицѣ твоемъ солнца лучи заблестѣли!
Какъ твои темныя, страстныя очи горятъ!
Сладостно ноетъ отъ счастья душа, замирая...
Жизнь опьяняетъ, надеждами пышно маня...
Солнце такъ чудно смѣется, лучами играя,
Ты улыбнулася, нѣжно головку склоня.

[1902.]

XI.

АККОРДЫ.

Вы поймете-ль весь вихрь упоеній моихъ,
Эту бурю страстей молодыхъ?
Да и можетъ ли людямъ повѣдать о нихъ
Сладкогласно-рокочущій стихъ?
Я хотѣлъ бы увидѣть подъ склонами горъ
Властныхъ демоновъ огненный споръ,
Побѣдителей мощно-звенящій задоръ,
Побѣжденныхъ безсильный позоръ.
Я хотѣлъ бы пылать, упиваясь, въ огнѣ,
Въ безпредѣльно-нѣмой тишинѣ,
И чтобъ въ сладкомъ, томительно-нѣжащемъ снѣ.
Звуки крѣпко ласкались ко мнѣ.
Я хотѣлъ бы атласно-дрожащихъ плечей,
Звѣздъ, горящихъ во меракѣ очей,
И чуть слышныхъ, потушенныхъ, странныхъ рѣчей,
И рыданій безумныхъ ночей!

[1902.]

XII.

FANTAISIE

Звуки несутся... звуки летятъ,
Звуки о счастьѣ любви говорятъ...
Стройныхъ видѣній плѣнительный рой
Тихо встаетъ предо мной.

Вижу задумчиво-дремлющій садъ,
Ночи впиваю томительный ядъ,
Слышу далекое пѣніе струй...
Чу, прозвенѣлъ поцѣлуй.

Лунная ночь безмятежно-чиста...
Чьи то слилися, сомкнулись уста.
Чьи то горячія рѣчи звучатъ...
Звѣзды призывно горятъ.

Страстныя рѣчи слышнѣй и слышнѣй,
Искристо вспыхнули звѣзды очей...
Звуки несутся... звуки летятъ,
Звуки мнѣ сердце томятъ.

[1902.]

15

XIII.

ИЗЪ ЖИТЕЙСКИХЪ МОТИВОВЪ.

Осенняя пѣсня.

Говоришь ты, что сердце тоскою сжимается,
Когда вспомнишь, что лѣта пора пронеслась,
Когда видишь, какъ желтыя листья срываются
И безпомощно бьются, дрожа и кружась.
Когда съ завистью смотришь, какъ птицы свободныя
Направляются за море, въ синюю даль,
Когда бродишь осеннею ночью холодною
И весеннихъ ночей такъ мучительно жаль.
Грустно, больно и мнѣ вспоминать пережитое:
Гдѣ жъ она, наша юность, мечтами обвитая?
Гдѣ же страсти могучей роскошный размахъ?
Вспомни, какъ въ насъ когда-то кипѣли желанія,
Какъ мы бодро смотрѣли въ житейскую даль,
Вспомни наши порывы, мечты упованія...
Ихъ мнѣ тоже мучительно жаль!

[1902.]

XIV.

К. БАЛЬМОНТУ.

Блеснувши сказочнымъ уборомъ
Своихъ плѣнительныхъ стиховъ,
Летишь ты вольнымъ метеоромъ
Въ міръ несмѣняющихся сновъ.
Красой невѣдомой и жгучей
Ты оковалъ нашъ робкій взглядъ—
И міру далъ своихъ созвучій
Всеувлекающій каскадъ.
Они какъ бредъ полночный странны,
Они красивы и нѣжны,
Какъ поцѣлуи польской панны,
Какъ ропотъ ласковой волны...
И будятъ въ сердцѣ страсть и муки,
Мглу ощущеній, нѣги дрожь
Ихъ зачарованные звуки,
Ихъ завлекающая ложь...
Пѣвучей лаской ихъ лелѣемъ,
Я въ чуткомъ сердцѣ ихъ таю—
И передъ вольнымъ чародѣемъ
Склоняю голову свою!

1902.

— — —

XV.

ВАЛЕРІЮ БРЮСОВУ.

Могучій, властный, величавый,
Еще не понятый мудрецъ,
Тебѣ въ вѣкахъ нетлѣнной славы
Готовъ сверкающій вѣнецъ!
Въ тебѣ не видитъ властелина
Взоръ легкомысленной толпы:
Что имъ бездонныхъ думъ пучина,
Мечты побѣдныя тропы?
Пусть будетъ такъ, пускай донынѣ
Твой вдохновляющій призывъ
Гласъ вопіющаго въ пустынѣ—
О, вѣрь! О, вѣрь! Ты будешь живъ!
Напѣвныхъ словъ твоихъ могучесть
Прожжетъ упорныя сердца...
О, обольстительная участь!
О, блескъ, о, слава безъ конца!
Твои предчувствія и думы
Постигнувъ, въ сердцѣ я таю,
И предъ тобой, мудрецъ угрюмый,
Склоняю голову свою!

1902.

XVI.

ПОСЛѢ ДОЖДЯ.

Смотри, какъ хорошо! Умчалась буря—
И снова даль небесъ роскошно-высока...
Лишь кое-гдѣ въ сіяющей лазури
Еще послѣднія клубятся облака...

Какъ прихотливо-ярко освѣщенье!
Вотъ длинный рядъ заплаканныхъ березъ
Блеститъ, горитъ, при каждомъ дуновеньи
Роняя бриллiанты свѣтлыхъ слезъ...

Цвѣты, оправившись, какъ-будто живы
Играютъ радугой въ забрызганной травѣ...
Какъ хорошо, какъ чудно, какъ красиво
И здѣсь, внизу, и тамъ, въ широкой синевѣ!

(Августъ. 1903).

———

XVII.

МНОГИМЪ.

Меня зовете вы—союзникъ,
Меня влечете за собой,—
А я томлюсь, томлюсь, какъ узникъ
Межъ вашей шумною толпой.

Мнѣ безразличны всѣ дороги,
Что вы избрали для борьбы.
Мнѣ все равно—кто эти боги,
Которымъ шлете вы мольбы!

Въ васъ дышетъ замыселъ глубокій,
Вы всѣ узрѣли новый свѣтъ.
И вы гонимы, одиноки.
„Да, вы пророки—я поэтъ!“

Ахъ, я люблю одни обманы
Своей изнѣженной мечты,
И вамъ невѣдомыя страны,
Самовлюбленной красоты!

(1903.)

XVIII.

* *
*

Ахъ, я въ любви своей не воленъ,
Межъ нами ласковый союзъ,—
Но ты не знаешь, что я боленъ!
Позорно боленъ и таюсь.

А я тревоженъ, я безсиленъ,
Во мнѣ и стукъ, и свистъ, и звонъ,
Ты знаешь городъ—онъ такъ пыленъ,
Я имъ навѣкъ порабощенъ.

1903.

XIX.

*
* *

Былъ ли день или ночь иль невѣрный разсвѣтъ?
Нестерпимо томила мечта.
Скажи: это было иль нѣтъ? Это бредъ?
Въ уста не впивались уста?

Тамъ поддались мы и ты и я
Навѣтамъ шепчущей тьмы?
Бѣдная дѣвочка, радость моя,
Знаешь, что сдѣлали мы?

1903.

XX.

(ШУТКА.)

Буду ждать тебя завтра у двери,
Весь дрожа и ругая зиму,
Буду думать, чтобъ сдѣлалъ Валерій,
Если-бъ ждать такъ пришлося ему.

Лишь появишься ты на площадкѣ,
Озираясь по всѣмъ сторонамъ,
Съ затрудненьемъ сниму я перчатки
И изысканно руку подамъ.

И пойдемъ мы. Въ глухомъ переулкѣ
Станетъ взоръ твой такъ нѣжно лучистъ,
Что въ теченіи всей нашей прогулки
Буду я чрезвычайно рѣчистъ.

Говорить буду такъ поэтично—
Даже странно какъ будто слегка.
О, поэтъ я совсѣмъ необычный,
Но не всѣми лишь признанъ пока.

Во вращенье земли я не вѣрю,
Въ солнце тоже не вѣрю давно,
Говорить буду словно Валерій,
Значитъ, очень и очень умно.

О, Валерій. Талантъ онъ громадный,
Ты его прочитаешь всего.
Да теперь ужъ, какъ это отрадно,
Признавать начинаютъ его.

О, Валерій, Валерій, Валерій...
Впрочемъ, послѣ могу досказать,
Не заставь только завтра у двери
Слишкомъ долго тебя поджидать.

КНИГА ВСТУПЛЕНІЙ:

ВИКТОРЪ ГОФМАНЪ. КНИГА ВСТУПЛЕНІЙ. ЛИРИКА 1902—1904.

Изданіе журнала „Искусство“. Москва. (1904.) Стр. 126. Воспроизведено безъ измѣненій.

ИСКУСЪ:

ВИКТОРЪ ГОФМАНЪ. ИСКУСЪ. НОВЫЕ СТИХИ.

Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. 1910. Стр. 100. Воспроизведено безъ измѣненій.

ДОПОЛНЕНІЕ:

(Изъ альбома) I и II—напечатано съ автографовъ изъ альбома Л. В. Гофманъ (подъ первымъ стихотвореніемъ подпись: „Твой братъ Витя“).

Изнуренный житейской заботой.... На берегу морскомъ высокомъ....-художеств.-литературный журналъ „Муравей“. 1901. №№ 21 и 25.

Въ травѣ. Сумерки. Послѣ дождя—журналъ „Дѣтское Чтеніе“ (Августъ, 1902. Октябрь. 1902. Августъ, 1903).

Сколько чувствъ и рѣчей... Я боюсь умереть молодымъ.... К. Бальмонту. Валерію Брюсову.... Ахъ, я въ любви своей не воленъ.... напечатано съ автографовъ, принадлежавшихъ Георгу Бахману, любезно предоставленныхъ его вдовою.

Весенняя мелодія. Аккорды. Fantaisie. Изъ житейскихъ мотивовъ—напечатано съ автографовъ, принадлежащихъ В. Я. Брюсову.

(Шутка.)—напечатано съ копіи, сообщенной Л. В. Гофманъ.

Въ альбомъ. Многимъ. — Альманахъ „Грифъ“. 1903—1913.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ВСТУПЛЕНІЙ

I. ПРИРОДА.

IV. ВЪ ГОРОДѢ.

V. БОЛЬ И СОЗНАНІЯ.

II. ЛЮБОВЬ.

III. ТРУДЪ.

ДОПОЛНЕНІЕ.

